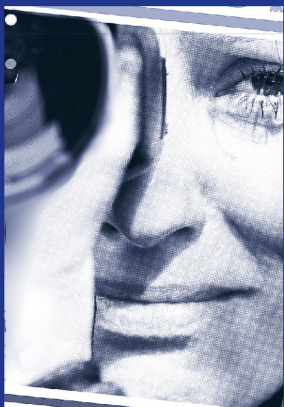

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

ГЛАВНЫЕ КНИГИ

ОН. ОНА. ВОЙНА

ФРОНТОВАЯ
ЛЮБОВЬ

18+

Для Андрея, влиятельного журналиста, а отчасти и политика, литература была тем, чем для Карла Маркса — религия: с одной стороны, это «опиум для народа», с другой — «вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира».

Леонид ЮЗЕФОВИЧ

ЖУРНАЛИСТ

ЖУРНАЛИСТ
ВОЕННЫЕ РОМАНЫ

Андрей Дмитриевич Константинов
Журналист. Фронтовая любовь
Серия «Главные книги Андрея
Константинова», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73070908

Журналист:

ISBN 978-5-17-171676-9

Аннотация

Эта книга – первый том памятной серии Андрея Константинова (1963–2023). Золотая коллекция его лучших военных и криминальные романов, в которую также вошел цикл очерков «Бандитский Петербург» и пособие «Журналистское расследование».

В этот сборник включены два военных романа автора, они же – первая и последняя книги Андрея Константинова, написанные с разницей в четверть века, но обе сегодня как никогда актуальные.

Я посвящаю эту книгу всем советским военным и гражданским советникам, специалистам и переводчикам, в разное время работавшим во многих странах мира – живым и мертвым, тем, кто смог вернуться и найти свою дорогу в жизни, и тем, кому на это не хватило сил. Посвящение не распространяется на тех, кто предал всех, когда-то деливших

с ним кусок хлеба, кров, даривших тепло; кому нет прощения, потому что они перестали быть людьми, превратившись в оборотней. Многие мои бывшие коллеги поймут, к кому это относится.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках – художественное произведение, поэтому все, изложенное в ней – авторский вымысел, а фактура не может быть использована в суде. Любые совпадения с имевшими место реальными событиями – случайны, а расхождения – наоборот, закономерны.

На самом деле все происходило не совсем так, как описано в романе. Возможно, в действительности все было еще страшнее и тяжелее. Может быть, именно поэтому я так долго не мог написать эту книгу.

Андрей Константинов

Содержание

Журналист	7
От автора	7
Пролог	8
Часть I	24
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Константинов

Журналист

© Андрей Константинов, 1996, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2025

«Наши с Андреем Константиновым отношения я бы не назвал ни знакомством, пусть даже довольно большой степени близости, ни приятельством – это была именно дружба. На протяжении двадцати с лишним лет Андрей оставался моим другом в старинном смысле этого слова, то есть умным, проницательным и в то же время доброжелательным собеседником, нередко – единомышленником в том, что касалось главного дела нашей жизни. Для Андрея, влиятельного журналиста, а отчасти и политика, литература была тем, чем для Карла Маркса – религия: с одной стороны, это „опиум для народа“, с другой – „вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира“. Выпускник Восточного факультета ЛГУ, арабист, начинавший свой путь военным переводчиком в Йемене, он больше всего ценил в ней то, что часто противоречило его журналистскому опыту, но совпадало с твердо укорененными в нем юношескими, романтическими и не избытыми до конца жизни представлениями о правде, которая обязательно пробьет себе дорогу, о чести, которую надо беречь смолоду, и о силе, которая легко уживается с благородством. Об этом, собственно, и знаменитый сериал,

снятый по его ранним книгам и принесший ему всенародную любовь, – „Бандитский Петербург“. А такая любовь не бывает ни незаслуженной, ни напрасной. В лучших романах Андрея, написанных им лично или в соавторстве с близкими людьми, гораздо больше идеализма, человечности и понимания обстоятельств нашей ограниченной временем и местом жизни, чем это может показаться, если судить по их жанровой принадлежности».

Леонид Юзефович, писатель

«Он создал лучшее издание Петербурга и одно из лучших в России, которое осталось верно себе. Он замечательный беллетрист – он один из немногих в России мог создать мощную и разную фабулу, выстроить сюжет. Помогал его опыт армии и участие в военных конфликтах. И конечно, он был асом журналистики. Его уход пробил огромную дыру в Петербурге. Андрей открыл для меня огромные континенты, о которых я лишь подозревал».

Лев Лурье, писатель и журналист

Журналист

От автора

Я посвящаю эту книгу всем советским военным и гражданским советникам, специалистам и переводчикам, в разное время работавшим во многих странах мира – живым и мертвым, тем, кто смог вернуться и найти свою дорогу в жизни, и тем, кому на это не хватило сил. Посвящение не распространяется на тех, кто предал всех, когда-то деливших с ним кусок хлеба, кров, даривших тепло; кому нет прощения, потому что они перестали быть людьми, превратившись в оборотней. Многие мои бывшие коллеги поймут, к кому это относится.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках – художественное произведение, поэтому все изложенное в ней – авторский вымысел, а фактура не может быть использована в суде. Любые совпадения с имевшими место реальными событиями – случайны, а расхождения – наоборот, закономерны.

На самом деле все происходило не совсем так, как описано в романе. Возможно, в действительности все было еще страшнее и тяжелее. Может быть, именно поэтому я так долго не мог написать эту книгу.

Пролог

Октябрь 1990 года

Рейс «Аэрофлота» Москва – Триполи

– ...Палестинец, хочешь воды? Палестинец! Ты что, спишь? Выпей воды, она вкусная... Тебе бесплатно налью.

Маленький грязный мальчишка с пластиковой пятилитровой канистрой в руке с любопытством смотрел на Андрея. Обнорский огляделся – кроме него и уличного разносчика воды на крошечном пяточке у Нади Дуббат ¹ не было ни души. Солнце, ветер с песком, мрачная пустая улица, вспыхивающая тысячами отблесков от стреляных автоматных гильз, и внимательные черные глаза мальчишки... Аден... Господи, неужели опять Аден?! Это ведь все уже было однажды...

Обнорский с трудом оторвал голову от нагретой белой стены, привалившись к которой он полусидел-полулежал:

– Где я?

Мальчишка, будто не слыша вопроса, продолжал тянуть свое:

– Выпей воды, палестинец, она сладкая, мой дедушка привозит ее из волшебного источника Бир аль-Айюн ², тайну пу-

---

¹ *Нади Дуббат* – Клуб офицеров (арабск.).

² *Бир аль-Айюн* – Колодец глаз (арабск.).

ти к которому знает он один. Выпей воды, палестинец.

– Я не палестинец... Я русский офицер... Помоги мне встать, мальчик.

Ощущение опасности вдруг затопило Обнорского, он потянулся рукой к лежавшему рядом в нагретой солнцем пыли автомату, но чья-то нога в щегольском высоком офицерском ботинке наступила на ствол...

Андрей поднял глаза – мальчишка исчез, вместо него перед Обнорским стоял майор Мансур, улыбался недобро, сминая в острые морщины коричневую кожу на своем волчьем черепе:

– Товарищ Андрей... Как поживаешь? Здорова ли твоя семья?

Ласково-вежливый тон Мансура плохо вязался с уставившимся Обнорскому в лицо черным зрачком пистолета. Андрей чувствовал, как его тело, закрытое от солнца зеленой палестинской формой, начинает обволакивать липкая испарина страха.

– Ты удивляешь меня, переводчик. Сначала ты казался мне умнее. Зачем ты вмешиваешься в чужие дела? Абду Салих погиб от несчастного случая и собственной неосторожности – зачем ты хочешь оскорбить память покойного подлым подозрением его друзей? Почему ты надел форму палестинского офицера? Может быть, ты не тот, за кого себя выдаешь? У нас не любят шпионов...

«Сейчас выстрелит, сейчас...» Обнорский, задыхаясь от

слабости и ужаса, на мгновение прикрыл глаза, но через секунду сделал над собой усилие и разлепил веки. Мансур исчез. Вместо него на пустой улице стоял Кука – точно такая же, как у Андрея, палестинская форма красиво облегла его худощавую фигуру. В правой руке Кука держал пистолет:

– Извини, братишка, – служба. – Кука улыбнулся и выстрелил Обнорскому в голову.

Время замедлилось, исчезли звуки. Андрей видел, как медленно и бесшумно выкручивается из ствола тупая пуля, как плывет она к его голове... Вспышка, боль, чернота, снова вспышка, снова чернота... Потом под веками в черном киселе начали плавать оранжевые, малиновые и зеленые шары, которые, сталкиваясь, взрывались холодными разноцветными искрами. Откуда-то пришел голос. Знакомый голос. Кто говорит?

– Не прикидывайся, ты меня узнал. У нас мало времени, слушай внимательно...

Да, конечно, Андрей его узнал. На пластиковом стуле у его кровати в госпитале министерства обороны НДРЙ³ сидел резидент ГРУ полковник Грицалюк собственной персоной и по своему обыкновению что-то быстро жевал, не переставая говорить. Слова его журчали и сливались в какой-то гипнотизирующий рокот, до сознания Обнорского докатывались лишь обрывки фраз:

– ...Проявить благоразумие... сложная стрессовая ситуа-

---

³ НДРЙ – Народная Демократическая Республика Йемен.

ция... неправильные выводы и неадекватная реакция... серьезное ранение, стресс и потеря крови... отсутствие свидетелей... внебюджетное финансирование...

Грицалюк душил Андрея своим журчащим рокотом. Обнорский, задыхаясь, хватал ртом воздух, как вытщенная из воды рыба.

– ...ненужная драматизация... лишние проблемы... отсутствие выбора... просто забыть... должен согласиться...

«Должен согласиться? Ни за что! Сволочи!!!»

– Согласен... – хрипит Обнорский пересохшим горлом, – Дайте воды...

Грицалюк вскакивает и подбегает к двери в палату:

– Пропустите к нему водоноса!

...Снова черные глаза мальчишки напротив.

– Дай воды, мальчик...

Мальчишка покачал головой и начал выливать воду из канистры на пол:

– Ты не палестинец...

Госпитальная палата исчезла, осталось лишь ощущение обиды и чувство стыда... Пить... Как хочется пить...

...Свежая, еще не обустроенная могила на Домодедовском кладбище – на самом краю Москвы. Кто здесь похоронен? С фотографии, закрепленной на могильном холме, смотрит Илья. Это его могила. Но почему же тогда он стоит рядом с могилой и смотрит Обнорскому в глаза?

– Илюха... Ты что, живой?

Илья улыбается и качает головой.

– Илья... я обещаю тебе... – Обнорский говорит запинаясь, еле выдавливая из себя слова.

Илья предостерегающе вскидывает руку:

– Запомни, Андрюха, ты мне ничего не должен...

Обнорский задыхается от жажды, язык царапает гортань, слова обдирают горло наждачной бумагой:

– Ты спас мне жизнь тогда, в восемьдесят пятом...

Илья качает головой и улыбается.

– Илья, зачем ты ушел? Зачем ты это сделал? Зачем?

Илья снова качает головой, но на этот раз уже без улыбки:

– Все было не так. Ты же сам уже это знаешь. Ты не забыл, что я никогда не пил пива с креветками? Вспомни... И я сейчас все тебе расскажу...

Илья вдруг двинулся к Обнорскому прямо через холм собственной могилы.

– Стой! Не подходи, Илья! Не дотрагивайся до меня!

Илья остановился, посмотрел на Андрея с удивлением и улыбнулся:

– Ты что, Палестинец, до сих пор мертвых боишься? Не бойся...

– Не подходи!!! – беззвучным ртом кричит Обнорский.

...Кладбище исчезает... Темнота... Редкие оранжевые вспышки... Ровный, спокойный механический гул... Жажда... Горло словно забито песком... Пить...

– Эй, браток... Браток, ты в норме? – Андрея тряс за плечо сосед, представившийся при посадке Витей – летчиком из Джофры.

Витя, как и Обнорский, отмотал уже в Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии два года и сейчас возвращался из отпуска, проведенного в Союзе, на последний, решающий виток. Больше трех лет подряд советские офицеры в Ливии находиться не имели права – исключения, конечно, бывали, но Десятое Главное управление Генштаба шло на них с большой неохотой – невидимая очередь из офицеров, желающих заработать за границей, растягивалась на многие годы...

– Ты в порядке? – Летчик Витя участливо заглядывал Обнорскому в глаза. – Приснилось что-то?

Андрей огляделся: салон «Ту-154» был заполнен чуть больше чем наполовину. Из Москвы вылетали рано, поэтому пассажиры в основном спали, отходя от традиционных русских проводов – да еще в страну с сухим законом. Несмотря на хорошо работавшую вентиляцию, салон самолета был полностью напоен непередаваемым букетом самых разнообразных перегаров.

– Приснилось, – ответил соседу Андрей. – Я кричал что-нибудь?

– Кричать не кричал, а стонал очень жалобно, – ухмыльнулся Витя. – Что, не хочется обратно в Джамахирийку?

– Не хочется, – честно ответил Обнорский. – Совсем.

Летчик вздохнул:

– Да кому охота... Платили б дома по-людски, кто бы туда поехал... Ты-то хоть в Триполи сидишь: какой-никакой, а все же город. А у нас в Джофре – каждый день одно и то же кино и все про пустыню эту сраную... Я своего инженера неделей раньше туда из отпуска провожал – так он в Шереметьеве белугой ревел, ага... Хорошо хоть, что не при погонах были...

Обнорский вздохнул и вытер испарину со лба. Кошмар короткого сна ушел, но сердце продолжало бухать в груди, как после долгого бега.

– Слушай, Витя, у тебя попить ничего нету? Сушняк во рту, будто лошади насрали...

Летчик крикнул и достал из пластикового пакета две банки пива:

– Выручу уж, чего там... Давай, братишка. На посошок пивком отполируемся...

Холодное пиво уняло противную похмельно-нервную сухость во рту и дрожь в руках. Андрей расслабился. Похмелье было ощутимым, но вполне терпимым. Учитывая, что последние три дня он пил, что называется, вчерную, могло быть и хуже. Майор Витя через несколько минут задремал, стиснув в руке пустую банку из-под «Хейникена», а Обнорский закурил, откинувшись в кресле, и, покусывая нижнюю губу, начал думать.

«Что же делать?.. В самоубийство Ильи я не верю – не та-

ким был парнем Новоселов, чтобы вот так, ни с того ни с сего себя газом травить... Да еще в Триполи... Да еще накануне прилета из Союза Ирины... Только те, кто плохо знал Илью, могли считать его свихнувшимся на войне интернационалистом...»

Обнорский знал, что Новоселов сумел переломить свой «йеменский синдром». Или только думал, что сумел?..

Андрей вспомнил постаревшую, опухшую от слез и водки вдову Ильи... Бред какой, в двадцать пять – вдова... Когда Обнорский увидел Ирину, Илью уже месяц как похоронили, а она все еще не отошла... Обнорского Ирина сначала не хотела пускать в квартиру, потом долго кричала ему в лицо какую-то обидную, несправедливую бабскую чушь, потом, выпив водки, истерично хохотала, давясь сигаретным дымом... Предсмертное письмо Ильи она все-таки почитать Андрею дала, вернее, не дала – швырнула в лицо смятый, покоробленный высохшими слезами голубоватый листок, заполненный твердым, убористым почерком. Обнорскому уже пришлось пару раз читать записки самоубийц – когда-то в Йемене в контингенте советских военных советников и специалистов вспыхнула настоящая суицидная эпидемия... Письмо Ильи отличалось каким-то странным внутренним спокойствием и даже неким жутковатым лихачеством:

«Ирина, прости и не осуждай. Не терзай себя – ты тут абсолютно ни при чем, все дело во мне. Когда ломается внутренний стержень, жить

становится невозможу. Видимо, во мне не хватило силы сопротивляться прошлому – оно настигло меня и сделало жизнь мучением. Сейчас мне уже легко – решение принято и обратного хода нет. Извинись перед всеми, и пусть меня не поминают плохо – подлостей я никому не делал, а своей жизнью могу распорядиться сам. Жаль, что не увижу большие Россию, Москву – все это снится мне каждый день. Сегодня видел сон, как сижу в „Жигулях“ и пью пиво с креветками... Утром даже вкус во рту ощущал. Да ладно, видно, не судьба... Я прошу – прости меня и живи легко.

Твой Илья».

Число, подпись – и все это четко, аккуратно, со всеми запятыми и без единой грамматической ошибки. Именно это сразу очень не понравилось Обнорскому – принявший решение на уход человек обычно настолько взвинчен или, наоборот, подавлен, что это отражается на почерке и на орфографии. А тут такое впечатление, что Илья был спокоен, как танк. Обнорский споткнулся еще на чем-то в письме Новоселова, но размышлять об этом у Ирины не стал – она то плакала, то проклинала всех подряд и Илью тоже... (Родина, как обычно, сделала для вдовы своего офицера «все что могла»: валютный счет Ильи был заморожен во Внешэкономбанке, но Ирине пообещали, что часть денег ей, может быть, вернут, но не в долларах, а деревянными, по официальному курсу. А пенсия ей не полагалась – детей у Новоселовых не было, да и погиб Илья не при исполнении, а сам на себя руки

наложил... Так что осталась Ирина у разбитого корыта – ни мужа, ни денег, ни даже работы: собираясь к Илье в Ливию, она, естественно, уволилась с Московского радио, где работала корреспондентом, место это тут же было занято.)

...На Домодедовском кладбище Андрей с трудом разыскал могилу Ильи. На ней не было пока ни креста, ни обелиска. Ограды тоже не было. На невысоком холмике, размытом начавшимися осенними дождями, сиротливо и жалко лежала маленькая плитка из дешевого гранита. На плитке была закреплена фотография Ильи в форме, а под ней выгравирована лаконичная надпись: «Капитан Новоселов Илья Петрович 17.03.1962–25.08.1990».

Обнорский достал из кармана плоскую бутылку джина «Бифитер» (этот джин был их любимым напитком в Йемене, плоские бутылочки там называли «ладошками», их удобно было таскать в заднем кармане), плеснул немного на могилу, потом в три глотка опорожнил полбутылки. Джин пился легко, словно вода, его не хотелось ни запивать, ни закусывать. Андрей закурил и присел на корточки, глядя на фотографию Ильи. Он никогда не видел Илью в советской военной форме – теперь вот только сподобился, на могильной фотографии... Андрей сделал еще несколько больших глотков, «закусывая» их лишь табачным дымом, и почувствовал, что его наконец-то начало цеплять. Внутреннее напряжение спадало, глаза заслезились. Обнорский обхватил голову руками и начал легонько раскачиваться, сидя на корточках, взад-впе-

ред. Уткнувшись лицом в колени, он начал негромко постанывать, словно напевая какой-то жуткий мотив:

– Что же ты, Илюха, что же ты, что?!

Если бы кто-нибудь видел сейчас Обнорского со стороны, он непременно решил бы, что парень – тронутый. Но рядом с могилой никого не было.

Андрей допил джин и поднялся. Он снова взглянул на фотографию Ильи и вздрогнул – ему вдруг показалось, что губы Новоселова шевельнулись... Нет, это просто капля дождя скользнула по портрету. Тем не менее у Обнорского екнуло сердце, и он шумно перевел дух. Что-то не отпускало его от могилы, в мозгу билась какая-то важная мысль. Алкоголь, растекаясь по жилам, уже не пьянил, а, наоборот, помогал концентрироваться. Письмо Ильи... Что-то там очень не понравилось Обнорскому. Почерк... Стиль... Что-то еще, какая-то важная деталь... Пиво с креветками! Ну конечно же – пиво с креветками!

Андрея бросило в жар: Илья не мог видеть во сне, как пьет пиво с креветками. Новоселов ненавидел креветки, у него на них была аллергия, он не раз рассказывал Обнорскому об этом в Йемене. Когда-то давно, еще курсантом Военного института, Илья отравился несвежими креветками, причем как раз сидя в «Жигулях», с тех пор от одного упоминания об этих «дарах моря» Новоселова мучили рвотные позывы... «Но это же значит... Господи...»

– Елки-палки, – хрипло сказал Обнорский, глядя в непо-

движные глаза Ильи на портрете... По фотографии стекали капли начавшегося дождя, и казалось, что лицо Новоселова меняет выражение...

...В тот день Андрей напился до полного бесчувствия, напился – пожалуй, даже не то слово. То, что Обнорский сделал со своим организмом, может быть, лишь частично выразит неприличный глагол «нахерачился»... Оставшиеся недели отпуска Андрей провел в Ленинграде, стараясь ни о чем не вспоминать и ни о чем не думать. Он инстинктивно давал себе отдых перед... Перед чем? Не думать, не думать, не вспоминать...

За три дня до отлета в Триполи Обнорский приехал в Москву, получил в Генштабе документы, оформил билет, а потом запил по-серьезному на хате, в которой жил тогда еще один трипольский «переводяга» – Серега Вихренко, приехавший в отпуск неделю назад. Эта «квартирка-капкан» на Каширском шоссе передавалась офицерами-переводчиками друг другу по наследству и пользовалась у жильцов пятиэтажной «хрущевки» дурной славой. Она либо месяцами стояла пустой, либо гудела чудовищным, крутым и совершенно беспредельным разгулом, да и постояльцы были в ней какие-то странные – молодые, вроде бы русские, но все какие-то чернявенькие, с угрюмыми глазами... Милиция, которую жильцы «хрущевки» время от времени вызывали, чтобы унять ночные дебоши с громким визгом девок и ревом незнакомых песен, почему-то хулиганов в отделение не за-

бирала... А потом снова несколько месяцев подряд двухкомнатная квартира стояла пустой...

...Воспоминания о предотъездном загуле были обрывочными и смутными: Андрей с Серегой в ресторане сняли каких-то девок – якобы студенток педагогического... А может, и не якобы, студентки-то пошли такие, что... Естественно, не обошлось без драки – Обнорский, глянув на разбитые костяшки правого кулака, смутно припомнил, как бил кому-то морду во дворе дома на Каширке, хрипел что-то матерное насчет «тыловых крыс». Вихренко с трудом оттащил его от уже неподвижного толстомордого мужика, что-то не так сказавшего Андрею... Утром Сергей поднял Обнорского, собрал и отволок в аэропорт – по неписаной традиции, все заботы об отправке товарища брал на себя тот, кто оставался в Союзе. Серега в ту ночь и не ложился даже, чтобы не проспать... Через четыре недели кто-нибудь из «переводяг» так же проводит Вихренко.

...Сосед-летчик мирно сопел, продолжая стискивать рукой пустую банку из-под «Хейникена». Андрей потер рукой левый висок и вернулся к вопросу, от которого «закрывался» весь отпуск. Зачем в своем предсмертном письме Илья упомянул пиво с креветками? Ответ был простым и страшным – Новоселов давал сигнал тревоги, предупреждая кого-то, кто хорошо его знал и мог прочитать письмо, о вынужденности своих действий. Значит, его заставили уйти. Заставили напи-

сать прощальное письмо, накрыться одеялом и, открыв вентиль газового баллона, дышать через резиновую трубку газом... Но кто? Кто мог его вынудить на это? Истихбарат? ⁴ Непохоже: они так тонко не работают, да и зачем им было это делать? Смысл? А если свои? Но опять же – зачем? Своим проще было бы выдернуть Илью в Москву, если уж его в чем-то подозревали, «выпотрошить» там как следует и в случае крайней необходимости красиво и аккуратно инсценировать несчастный случай. Нет, тут вообще что-то другое, только вот что? Очень похоже на чью-то частную инициативу... Зачем? И почему Илья согласился сыграть по этим нотам?

С каждым новым возникающим в мозгу вопросом Обнорский все больше мрачнел и все сильнее машинально тер рукой левый висок – там, где пять лет назад скользнула по черепу пуля Куки, просыпалась тупая боль, Андрей уже чувствовал ее приближение и знал, что через несколько минут навалится приступ, боль будет терзать его минут тридцать, а потом отпустит, надо только вовремя таблетку принять. С 1986 года Обнорский всегда носил с собой таблетки от головной боли, хотя приступов иногда не было по полгода, но все же... Боль имела обыкновение приходить в самый неподходящий момент.

«Может, поговорить с нашими особистами? А почему это не сделал сам Илья? Не успел? Или у него были серьезные резоны не доверять им? А я расскажу? Илью подставляю?

---

⁴ *Истихбарат* – служба ливийской контрразведки (арабск.).

Мертвых уже не подставишь... А если он закрывал кого-то живого? Фраза о креветках могла быть адресована кому-то очень своему – ну да, я ее и получил. Наверное, кто-то еще мог бы ее понять, но получил-то ее я. Что же теперь, делать вид, что я ничего не понял?»

Обнорский снова вспомнил ту ночь в сентябре восемнадцати пятого, когда он, раненый и преданный, на одной ненависти (сил уже не было) полз через расстрелянный, залитый кровью Аден... Если бы не Илья тогда...

«Не вспоминать! Забыть, забыть, забыть!»

Андрей заставлял себя не вспоминать о Йемене – ничего хорошего эти воспоминания не несли, от них сердце начинало молотить как сумасшедшее, и хотелось напиться до полной отключки, до черноты, до нуля, так, чтобы в пьяном забытии уже не привиделся давнишний йеменский кошмар...

«Значит, придется мне попытаться самому Илюшины загадки разгадывать... Только как? И вообще, реально ли это? И не помчусь ли я потом с разгадкой к Илюше в гости – вместе радоваться? Но других-то вариантов нет. Не могу же я на самом деле забыть...»

Забыть, забыть...

От принятого решения на мгновение стало легче, но потом боль в левой половине головы проснулась окончательно, она потекла с виска на лоб, потом опустилась на левый глаз и запульсировала оранжево-красным цветом... Обнорский достал таблетки и, морщась, нажал кнопку вызова стюардес-

сы, чтобы попросить стакан воды...

Показавшаяся в конце салона фигура бортпроводницы кого-то напомнила Андрею... Да, конечно, чуть поплотнее, правда, но все же очень на Лену похожа, и волосы такие же – как это он не заметил сразу при посадке... Лена... Перед глазами мелькнул расстрелянный аэрофлотовский «рафик» в Кресенте, у морских ворот Адена, растрепанные волосы и растерзанная блузка Лены, ее дрожащий голос: «Ты... тебя ведь зовут Андрей... Это ты, Андрюша?»

«Не вспоминать, не вспоминать!» – едва не закричал в голос Обнорский, поднял взгляд и обмер. Перед ним с непередаваемым выражением на лице стояла Лена – повзрослевшая, чуть поплотневшая, но все же – она... И вот тут прошлое прорвало все шлюзы памяти и с головой накрыло Андрея...

Часть I

Палестинец

*...И оглянулся я на все дела мои,
которые сделали руки мои, и на труд,
которым трудился я, делая их:
и вот, все – суета и томление духа,
и нет от них пользы под солнцем!..*

Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, гл. 2, стих 11

...Заканчивался октябрь 1984 года. Советский Союз все глубже увязал в бессмысленной и жестокой афганской войне, весь западный мир гневно осуждал агрессоров и требовал вывода «ограниченного контингента советских войск». В ООН создавались специальные комиссии по афганскому вопросу, газеты и журналы печатали душераздирающие репортажи, с экранов телевизоров слово «Афганистан» летело к зрителям десятки раз за день. За всей этой шумихой почти не освещенным осталось то обстоятельство, что советские офицеры и солдаты выполняли «интернациональный долг» во многих других развивающихся странах, причем число этих стран измерялось не единицами, а десятками. Но если на Западе кто-то где-то хоть немного и слышал об этом, то в Советском Союзе единственным известным мирным обывателям сортом «интернационалистов» были афганцы... Об остальных знали лишь те, кому это положено было по долгу

службы, да близкие родственники, которых, впрочем, предупреджали о том, чтобы лишнего они не болтали...

...Студент пятого курса восточного факультета Ленинградского государственного университета имени товарища Жданова Андрей Обнорский летел в столицу Южного Йемена Аден. Моторы самолета гудели мирно и ровно, за бортом была глубокая ночь, но спать Андрею совсем не хотелось – сказывалось возбуждение. Впервые за двадцать один год жизни он покидал рубежи Родины.

С каждой минутой все дальше и дальше оставалась осенняя Москва, заплаканные родители, Маша...

Вспомнив о жене, Обнорский закурил и начал нервно покусывать нижнюю губу. Похоже, был прав отец, говоря перед свадьбой: «Торопишься ты, сынок. Хотя – тебе жить, тебе и решения принимать». Маша тоже училась на восточном, только тремя курсами старше Андрея, ее специальностью были история Китая и китайский язык, а распределение она получила в Москву, в одну закрытую контору, которую на восточном факультете знали как «Спектор». Среди студентов циркулировали упорные слухи, что этот «Спектор» был одним из подразделений КГБ СССР, но чем занималась эта контора и что в ней делали выпускники восточного факультета – никто не знал. Кстати, попадали в этот «Спектор» в основном не выпускники, а выпускницы – на каждом курсе восточного факультета было около пятнадцати девчонок-москвичек, о которых все знали, что они «кагэб-

эшные целевички», то есть направленные на учебу в Ленинград по целевому направлению... Видимо, в этом был определенный резон: за пять лет учебы в Ленинграде москвички рвали все ненужные связи в столице и возвращались домой с минимумом московских контактов. Их будущих шефов это вполне устраивало.

У Обнорского закрутился с Машей сумасшедший роман, когда он был на втором курсе, а она на пятом. Потом Маша уехала в Москву, два года они перезванивались и изредка виделись – Андрей приезжал на каникулы, иногда по выходным. А потом они решили пожениться, наверное, не столько из-за любви, сколько из-за боязни боли от приближавшегося разрыва. Свадьба, состоявшаяся в марте, мало что изменила в их отношениях, видеться чаще они не стали: Андрей не мог бросить учебу, а Маша – работу. Кстати, даже после свадьбы Обнорский практически ничего нового о работе своей жены не узнал, на все вопросы она отвечала коротко: «Ничего особенного, в основном занимаемся переводами». И всё. Всё так всё... Жизнь у молодоженов пошла своим чередом. Вот только семьи не было. Какая, к черту, семья, если живут врозь, в разных городах, а муж даже толком не знает, где жена работает и чем занимается? Когда Андрей заполнял анкеты, оформляя документы для заграничной командировки, в графе «Место работы жены» он поставил сообщенный ему накануне пятизначный номер войсковой части... Обнорский был очень рад предстоящей командировке – он и пошел-то

на восточный факультет, чтобы дальние экзотические страны повидать, а что в этих странах делать придется, его не особо волновало. Тем более что студентам толком никто ничего не объяснял. Как правило, после третьего или четвертого курса студентов – арабистов, афганистов и иранистов – поголовно загребали на годичную практику в страны изучаемых языков. Одни ехали по гражданской линии – учились год в местных университетах, другие, у которых с блатом было похуже, «гремели по войне» – то есть отправлялись военными переводчиками в многочисленные военные контингенты СССР в странах Африки и Ближнего Востока. Военных переводчиков для советских советников и специалистов катастрофически не хватало, вот и затыкали дыры студентами. Те, кто попадал на «практику» от Министерства обороны, возвращались обычно на факультет какими-то странными – молчаливыми, с непонятной горькой мудростью в глазах и карманами, набитыми деньгами. Деньги эти вернувшиеся из разных горячих точек ребята с каким-то непонятным остервенением пропивали по кабакам и общагам, но даже в кураже чудовищных загулов вернувшиеся старшекурсники мало что говорили своим младшим коллегам, у которых первые командировки были еще впереди. Много трепались и рассказывали про свои геройства лишь те, что на самом деле сидели при штабах – они, кстати сказать, как правило, возвращались доучиваться с орденами или медалями. Только когда ребята сами наконец попадали на свои «практики»,

они, вспоминая рассказы старших, начинали понимать, что было враньем, а что – правдой. Только правду говорили редко – слишком уж она была жестокой, некрасивой и неромантической... Совсем неромантической.

Из своей группы Обнорский уезжал предпоследним – остальные уже где-то месили сапогами песок арабских пустынь. Из одиннадцати студентов-арабистов выездная комиссия факультета не допустила до оформления документов двоих – Мишку Немцова и Обнорского. Немцов стал невыездным еще на втором курсе – всерьез и надолго. Мишка был круглым отличником, да вот занесла его однажды нелегкая на исторический факультет, где группа студентов развернула дискуссии по комсомолу – дескать, аморфная организация стала, надо что-то менять... Комитет государственной безопасности на эти милые шалости придурков посмотрел серьезно – Немцова хоть и не выгнали с «идеологического» восточного факультета, но на его карьере навсегда был поставлен жирный крест. Прегрешение Обнорского было явно меньше – он однажды засмеялся не вовремя на военной кафедре: шла конференция, посвященная сорокалетию Сталинградской битвы, и докладчик-полковник путал падежи, предлоги и ударения в словах. За этот смешок Андрей, тем не менее, схлопотал выговор с весьма угрюмой формулировкой: «За глумление над памятью отцов, павших в Сталинградской битве». Быть бы и Обнорскому невыездным навеки, да вмешались какие-то крупные начальники Маши

из Москвы. К тому же некомплект переводчиков в странах Ближнего Востока к 1984 году составил чуть ли не пятьдесят процентов – и из Главного управления кадров Министерства обороны СССР полетели директивы: оформлять и отправлять всех кого можно – хулиганов, двоечников, хромых, слепых, сифилитиков, дебилов... Индальгенция не коснулась лишь категории «антисоветчиков», в которую умудрился попасть несчастный Немцов. Это клеймо не смывалось ничем.

На предварительном собеседовании в Главном управлении кадров Андрея практически ни о чем не спрашивали – какой-то генерал-майор два часа извергал из себя мало-вразумительный водопад общих слов о высоком доверии Родины и «интернациональном долге». После этого собеседования Обнорский абсолютно не понимал, в чем будет заключаться его «практика», и, что самое печальное, ему даже не сказали, в какой именно «одной из развивающихся стран» (как было написано в документах) ему предстоит оказаться. Потом было собеседование в ЦК КПСС, где какой-то мелкий клерк так же неконкретно воодушевлял на что-то, но уже короче – в течение часа. И только в последней инстанции, в Десятом Главном управлении Генерального штаба, Андрей узнал, что его расписали в Народную Демократическую Республику Йемен, а если короче – в Южный Йемен, социалистический. (Был и «капиталистический». Северный Йемен – Йеменская Арабская Республика. Эти две арабские страны в то время находились в состоянии перманентного

конфликта, периодически обострявшегося до кровавых пограничных стычек, однако и в Северном, и в Южном Йемене сидели советские военные советники. В то время такая ситуация никому не казалась дикой – в Десятом управлении, ведавшем посылкой советских офицеров в разные страны мира, знавали и не такое...)

Чем меньше дней оставалось до отъезда в Аден, тем мрачнее становилась Маша и тем более возбужденным делался Андрей. Ему хотелось вырваться в мир новых ощущений да и убежать от запутанных семейных отношений тоже... Какой же мальчишка не грезит о военных походах в далекие страны... А Маша, видимо, предчувствовала, что эта командировка окончательно поставит точку в их странных отношениях – точку в агонии любви, которую не смогли спасти даже штампы в паспортах.

Родители приехали из Ленинграда проводить Андрея в Шереметьево-2. Мать все время плакала, Маша держалась лучше, но ее платочек тоже вскоре промок, отец крепился, но был мрачен. Печальное настроение провожающих резко контрастировало с радостью Андрея, которую ему с большим трудом удавалось скрывать...

Пройдя таможню, Обнорский оглянулся в последний раз – все трое стояли, прижавшись друг к другу, они казались такими растерянными и беззащитными, что у Андрея екнуло сердце... Впрочем, он быстро отвернулся и пошел в буфет – успеть хлопнуть коньячку перед посадкой. Потом он часто

будет вспоминать это прощание, но все это будет потом...

Самолет оказался полупустым, это очень удивило Обнорского, потому что билет в «Аэрофлоте» он получил с большим трудом: там почему-то говорили, что все места на Аден давно проданы. Андрей летел не в составе группы, а один – очередная смена в Йемене закончилась две недели назад, основная группа новеньких уже улетела, а на Обнорского все никак не давали добро – видно, решали где-то серьезные дяди, достоин он или не достоин выполнять «интернациональный долг».

В проходе между кресел появилась стюардесса, разносившая напитки, – молоденькая, с огромными голубыми глазами, чуть вздернутым носиком и короткими светлыми волосами. Андрей внимательно рассмотрел ее фигуру и даже расстроился – так она ему понравилась. Стюардесса была тоненькой, но без «французской» истощенности, все было на месте, и это «все» было настолько выпуклым, что очень хотелось потрогать.

– Чего желаете? – Стюардесса остановилась рядом с креслом Андрея и перечислила ассортимент напитков: – Вино, пиво, минералка, лимонад?

– Э... э... – Обнорский почему-то растерялся, сам на себя разозлился за это, а потом вдруг почувствовал, что краснеет.

Стюардесса, видимо, поняла, какое впечатление произвела на парня, и еле заметно улыбнулась. Ее улыбка была скорее не насмешливой, а... как бы это сказать... неосознанно

довольной, что ли... Но Андрей этого не понял, насупился и вдруг неожиданно для себя самого ляпнул:

– А можно я еще немного подумаю? Я вообще-то не тупой, соображаю быстро, просто мне на вас смотреть нравится, и если я быстро выберу, то вы сразу уйдете...

Стюардесса фыркнула и оглянулась – большинство пассажиров уже спали, да и было-то их всего ничего.

– Меня зовут Андрей, – сказал Обнорский. – А вас как?

– Лена, – ответила стюардесса. Похоже, нахальство Обнорского не было ей неприятно, по крайней мере уходить она не торопилась.

– Лена, – серьезно начал Андрей, – проблема вот в чем. Я первый раз лечу за границу и очень волнуюсь. Заснуть явно не могу. Поэтому вы должны оказать мне посильную помощь.

Лена широко распахнула глаза:

– И что же я должна сделать, чтобы вы заснули?

– Э... э... – Андрей замялся, потом вдруг понял некую двусмысленность своей фразы и смешался окончательно. – Я имел в виду не то чтобы... а даже наоборот. В смысле... Ну я подумал, может быть, вы мне что-то расскажете...

– Сказочку? – Стюардесса уже откровенно издевалась над Обнорским, и он, вздохнув, кивнул:

– Извините... Я, наверное, действительно похож на придурка... Я не хотел вас обидеть.

Лена рассмеялась, продемонстрировав шикарные белые

зубы, оглянулась еще раз и вдруг, похоже неожиданно для себя самой, сказала:

– Ладно, я сейчас доразношу и подойду к вам, пассажир. Раз уж вы такой впечатлительный.

– Это не я впечатлительный, это вы – впечатляющая. Честно.

Лена хмыкнула и пошла дальше по салону, а Андрей полез за новой сигаретой. Обнорский удивлялся самому себе – что это на него накатило такое, раньше для него всегда было проблемой познакомиться с понравившейся девушкой, хотя уродом он не был, наоборот, девчонки сами проявляли к нему интерес, но тем не менее Андрей никогда не чувствовал себя с ними уверенно. При том что на факультете его почему-то считали бабником, его сексуальный опыт был совсем небогат.

– Ну и что же вам рассказать? – Вернувшаяся Лена присела на краешек кресла через проход от Андрея.

– Не знаю, – ответил Обнорский, – Вы москвичка?

– Москвичка.

– А я из Ленинграда, – сказал Андрей и чуть было не ляпнул: «А вот жена моя – москвичка», но вовремя осекся. – Я в Йемен на практику лечу. На переводческую.

– Правда?! – удивилась Лена – Вы знаете арабский?

– Да, – важно сказал Обнорский, но снова осекся, сморщил нос и добавил: – Если честно, то я не знаю, знаю я его или нет. Мы в университете классический арабский учили,

а в Йемене, говорят, диалект такой, что ничего не понять... И вообще, я четыре курса только закончил и с живым арабом лишь однажды говорил, но этот араб – из эмигрантов, он в Союзе уже лет пятнадцать живет, на русской женился, сам наполовину русским стал. Так что, как я переводить буду, – это еще вопрос. Могут и выгнать – говорят, такие случаи бывали.

– Ничего, – сказала Лена. – Все у вас получится. Я это чувствую.

– Спасибо, – улыбнулся Андрей и спросил: – А вы давно на международных линиях летаете?

Лена взглянула на часы, прищурила глаз и ответила:

– Да уж сколько... часа три уже как летаю.

– То есть?.. – не понял Обнорский.

– Ну у меня это первый международный рейс. И я, кстати, тоже очень волнуюсь.

Они посмотрели в глаза друг другу и рассмеялись. А потом Андрей начал рассказывать Лене о своем факультете, об арабских странах – то, что им читали на лекциях об исламе и эпохе великих арабских завоеваний. Они проболтали минут тридцать, и, когда Лена наконец встала, у Обнорского возникло странное чувство, что он уже давно знаком с этой девушкой. Чувство это было тем более странным, что о себе Лена практически ничего не рассказала... Андрей не заметил, как уснул после ее ухода. (Потом он очень жалел, что проспал посадку на дозаправку в Каире. Впрочем, в те вре-

мена отношения между Египтом и СССР были уже такими, что из транзитных самолетов все равно никого не выпускали, даже в аэропорт.)

Его разбудил яркий солнечный свет, бивший из иллюминатора. Самолет летел над морем, и невиданная яркость красок ослепила Андрея: сине-бирюзовое море, лазурно-голубое небо и густой желтый солнечный свет – все это было как на какой-то полузабытой картинке в детской книжке...

Стюардессы разносили завтрак.

– Как вы себя чувствуете, Андрей? – спросила Лена, ставя перед Обнорским небольшой пластиковый контейнер с куском курицы, сыром, маслом и чем-то еще.

«Интересно, – подумал Андрей, – как это она, поспав не более трех часов, умудрилась остаться такой свежей и жизнерадостной?» Обнорский оглядел Лену восхищенными глазами и ответил:

– Я чувствую себя прекрасно, потому что такая красивая женщина подает мне завтрак в такое солнечное утро. Может быть, я еще сплю?

Лена фыркнула и чуть зарделась:

– Вы завтракайте лучше, а то пока будете комплименты говорить – все остынет... Вас на вашем факультете специально учили девушкам головы кружить?

– Нет, – серьезно ответил Обнорский. – Это у меня природное. – И он погладил сам себя по черной, спутанной после сна шевелюре.

Лена засмеялась и хотела что-то ответить, но тут к ним подошла старшая бортпроводница, глянувшая на них со снисходительной улыбкой взрослого человека.

– Через два часа в Адене садимся, молодежь, – сказала она, и Лена сразу как-то засуетилась, смутилась и убежала в носовую часть.

Внизу показалась земля – прямая асфальтированная трасса, казалось, шла прямо через море, пересекая залив, на берегах которого раскинулся огромный город.

«Аден, – зажмурился Андрей. – Значит, я все-таки добрался сюда!» Обнорский не верил в это до самой последней минуты. Даже когда он сел в самолет в Шереметьеве, ему казалось, что в последний момент появятся какие-то угрюмые дядьки в плащах и шляпах и снимут его с рейса как идеологически не готового к сложной заграничной командировке.

Самолет качнуло, и он начал выполнять разворот со снижением. В салоне началась какая-то суета с гигиеническими пакетами – там сидела группа строителей, возвращавшихся в Йемен из отпуска. Эта группа «квасить» начала, видимо, задолго до отлета, по крайней мере перед посадкой почти все мужики были уже практически «в ноль». Один из них ответил на замечание пограничного офицера:

– Только придунок полетит в Йемен трезвым. – И громко икнул в подтверждение своей мысли.

Теперь вся группа строителей («Интересно, – подумал Обнорский, – а что они там строят?») дружно блевала и ма-

терилась. Андрей почувствовал, как его прекрасное настроение начинает понемногу портиться...

Наконец самолет коснулся бетонки, и все сидевшие в салоне зааплодировали. Лена (Андрей узнал ее голос) объявила через динамик температуру воздуха за бортом. В Адене было тридцать пять градусов выше нуля. «Ого! – подумал Андрей. – В куртке, пожалуй, будет жарковато».

Он снял свою кожаную куртку, запихнул ее в сумку и остался в джинсах и светлой рубашке с галстуком. Насчет галстука его в Генштабе предупреждали особо – мол, если кто прилетает без галстука, то такого могут чуть ли не в тот же день выслать обратно в Союз, как не справившегося с задачами командировки. Обнорский, правда, подозревал, что полковник-направленец в Десятом управлении, давая ему такие инструкции, мог просто хохмить (а чего же не поглумиться над салагой, который всему верит: скажи ему в противогазе полететь – полетит ведь), но рисковать на всякий случай не стал. Кстати сказать, в самолете он единственный и был в галстуке, но он также был единственным, кто летел от «десятки» – все остальные пассажиры явно летели от каких-то других контор. Еще во время пограничного контроля Обнорский обратил внимание на то, что у него одного на руках служебный, синий паспорт, а у всех остальных – красные, общегражданские. Синий паспорт, выданный в «десятке», украшала на первой странице следующая надпись: «Предъявитель этого паспорта является гражданином

СССР, командированным за границу. Всем гражданским и военным властям СССР и дружеских государств пропускать беспрепятственно и оказывать содействие предьявителю». Направленец, выдавая Обнорскому паспорт, прочел эту надпись вслух, после чего добавил: «Терять этот документ я тебе очень не советую, парень. Возникнут проблемы...»

Готовясь к выходу из самолета, Андрей проверил бумажник: синяя паспортина была на месте, рядом с ней был маленький листочек – прикрепительный талон в местную «физкультурную организацию», полученный Обнорским в ЦК вместо сданного на хранение комсомольского билета (деятельность политических партий среди иностранцев за границей была запрещена, поэтому партийные ячейки за кордоном именовались «профсоюзными организациями», а комсомольские – «физкультурными»).

В самолете постепенно становилось жарко, но пассажиров все не приглашали на выход. Андрей посмотрел в иллюминатор, пытаясь понять причину задержки. На летном поле толпились какие-то люди в темных рубашках и пестрых юбках. Они выстроились в некое подобие шеренги и, казалось, чего-то ждали. Наконец из-под самолета выкатилась платформа, на которую был водружен какой-то ящик. Шеренга пришла в волнение, забурлила, люди размахивали руками и что-то кричали. «Да ведь это гроб, – дошло до Обнорского. – Ни хрена себе... Значит, мы с покойником сюда летели...»

– Дурной знак, – тихо сказал кто-то из строителей, так же,

как и Обнорский, прильнувший к иллюминатору. Соотечественники дружно обматерили коллегу за карканье, но настроение у всех как-то сразу упало.

Выход разрешили лишь через полчаса. Андрей выбирался из самолета последним. У трапа стояла Лена.

– Ну, – одновременно сказали друг другу Андрей и Лена и, смутившись, рассмеялись.

– Может, увидимся еще? – спросил Обнорский.

Лена пожала плечами. Андрей помялся немного, но спрашивать номер телефона в такой ситуации было, конечно, нелепо. Поэтому он тряхнул головой и выпалил:

– Удачи вам. Можно я поцелую вас на прощание? Спасибо.

Он не стал дожидаться разрешения или возражений, быстро прикоснулся губами к теплой нежной щеке девушки и кубарем скатился с трапа:

– Не сердитесь на меня! Прилетайте к нам сюда почаще!

Лена, смеясь, махала ему рукой и что-то говорила, но что именно – было уже не разобрать.

Если бы в эту минуту Обнорскому кто-то сказал, как переплетется его судьба с судьбой красивой стюардессы по имени Лена, он счел бы этот рассказ бредом сумасшедшего. Может быть, не так уж и плохо, что обычные люди не могут предугадать даже ближайшего своего будущего. Иначе жить на белом свете было бы очень страшно...

... Через несколько минут после выхода из самолета Андрей был уже насквозь мокрым. Казалось, он попал в баню, причем не в финскую сауну, а во влажную и душную русскую парную. Рубашка и джинсы мгновенно прилипли к телу, а дурацкий галстук, казалось, стал самопроизвольно затягиваться на шее.

Обнорский подошел к платформе, на которую сгрузили багаж, нашел свой чемодан и огляделся.

Никто не торопился его встречать, как обещали в «десятке». Андрей стоял перед низеньким маленьким строением, совсем не похожим на международный аэропорт. На какое-то мгновение в душе Обнорского даже шевельнулось нелепое сомнение: а в Аден ли он прилетел?

Пассажиры сбились в две большие группы и сдавали свои красные паспорта каким-то уверенным дядькам в светлых рубашках и штанах необычного покроя – в Союзе такие на улицах еще не встречались.

Обнорский сунулся было к этим дядькам в крутых штанах, но они, увидев его синий документ, почему-то шарахнулись от него как от зачумленного:

– Военный, что ли? Это не к нам. Тебя свои встретить должны.

– А... кто свои-то?.. И где они?

– Там, – неопределенно махнули руками собиратели красных паспортов, отворачиваясь от Андрея. – После таможи...

Обнорский стиснул зубы, выматерившись про себя, и, подхватив чемодан и сумку, побрел к зданию аэропорта. Перед входом в это неказистое строение стоял маленький смуглый человечек в юбке, рубашке и вьетнамках на босу ногу. Андрей решил приветствовать первого встретившегося ему йеменца по всем правилам классического арабского, как-то учили его в университете. Обнорский говорил несколько минут, объясняя, что он только что прилетел из Союза, что не знает, куда идти и что делать... По мере того как он говорил, лицо кучерявого человечка в юбке все больше вытягивалось – казалось, он напряженно пытался понять, чего хочет от него этот странный русский. Когда Андрей умолк, заговорил абориген. Его речь была настолько непонятной, что Обнорский едва не выронил чемодан. Несколько секунд Андрей и мужичок в юбке тупо смотрели друг на друга, а потом как-то воровато разошлись в разные стороны.

Обнорский присел на чемодан и решил перекурить. Его пальцы мелко подрагивали после первого опыта общения на живом арабском языке.

– Блядь какая! – сказал вслух Андрей после первой затяжки. – Переводчик приехал, называется...

Пробегавший мимо худощавый брюнет в странной форме песочного цвета удивленно оглянулся на Обнорского и остановился:

– Это кто тут матерится? Ты чей, хлопец?

Андрей вскочил с чемодана и с надеждой уставился на

брюнета:

– А вы – русский?

– Почти, – хмыкнул брюнет. – Вообще-то я хохол, но тут мы все – русские. А ты-то кто такой?

– Я военный переводчик, – ответил Обнорский. – Из «десятки»... Там сказали – здесь встретят...

Брюнет удивленно покачал головой и протянул:

– Ну дела... Из «десятки», значит... Совсем там охренили, как я погляжу. Нас никто и не предупреждал, что ты прилетаешь... Повезло тебе, что меня зацепил. А то куковал бы тут долго. Переводчик, значит... Ну а я – твой начальник, референт Главного военного советника майор Пахоменко Виктор Сергеевич.

– Обнорский Андрей Викторович, – вытянулся Андрей, оправляя сбившуюся рубашку.

– Звание?

Обнорский замялся, потом пожал плечами:

– Я еще студент. Восточный факультет ЛГУ, на пятый курс перешел...

– Практикант?! – Референта перекосило как от зубной боли, а Андрей виновато кивнул – да, мол, практикант, виноват, исправлюсь.

– Ну и суки, – сказал Пахоменко. – Просто суки, и всё.

– Кто? – не понял Обнорский.

Референт махнул рукой:

– Мы их как людей просили – пришлите переводчиков

нормальных, в бригадах советники уже осатанели... В стране черт знает что творится... Прислали – три вагона практикантов да лейтенантов пяток... И тебя, такого красивого, в довесок...

Кровь бросилась Обнорскому в лицо, он стиснул зубы и по-бычьему наклонил голову:

– Я, товарищ майор, сюда не напрашивался!

Пахоменко усмехнулся и покрутил головой:

– Ишь ты какой горячий... А еще говорят: Питер – северный город, люди там все выдержанные и спокойные... Не обижайся – не в тебе дело. Я не сомневаюсь, что ты нормальный парень, и даже допускаю, что учился неплохо... Штука в том, что для адаптации тебе потребуется время. И ты в этом не виноват, как и все остальные, впрочем, тоже. Проблема в том, что у нас этого времени нет. А против тебя лично я ничего не имею. Пока. – Референт вздохнул и хлопнул Андрея по плечу: – Ладно, студент, бери барахло, и пошли на таможеню. Повезло тебе, что меня встретил. Паспорт твой где?

Обнорский с облегчением отдал свой паспорт Пахоменко и подхватил багаж.

Местная таможня оказалась на удивление непридирчивой – после короткого диалога между референтом и таможенным офицером (Андрей снова не понял ни слова) в паспорте Обнорского появилась большая печать, а на багаж таможенник даже не взглянул.

Зал аденского аэропорта поражал своей невероятной зага-

женностью и теснотой. Прямо на закиданном окурками полу сидели и лежали дети, мужчины в юбках-футах⁵ и закутанные в черные балахоны женщины. Пахоменко уверенно лавировал между тел, коробок и тюков, и Андрей едва поспевал за ним. Они вышли из здания аэропорта на небольшую площадь, в центре которой лениво журчал фонтан – тонкая струя воды била вверх из каменного глобуса.

– Вон, видишь, студент Андрюха, наша «тойота» стоит. – Референт показал на большой пикап желтовато-коричневого цвета. – Давай загружай назад свое барахло – и поехали... Водила подойдет сейчас, он, наверное, отошел «пепси» попить.

Обнорский закинул сумку и чемодан в «тойоту» и прислонился было к машине, чтобы передохнуть, но тут же отскочил от нее как ужаленный – поверхность автомобиля была горячей, как раскаленная сковорода.

Пахоменко засмеялся:

– Привыкай, студент. У нас здесь солнце знаешь какое? На капотах яйца жарить можно. Солнечная активность в восемь раз выше средней нормы по Союзу. Так что рекомендую без головного убора больше не ходить – мозги спекутся и волосы выппадают. А вот и водила наш идет...

Через площадь к ним подходил коренастый мужик средних лет в темных очках и точно такой же форме песочного цвета, как и у референта. Еле заметным вопроситель-

---

⁵ *Фута* – йеменская национальная одежда, мужская юбка.

ным движением он слегка вскинул подбородок, а Пахоменко также еле заметно отрицательно качнул головой. Подошедший нахмурился, но тут же улыбнулся Андрею:

– Не понял... Сергеич, к нам пополнение? Новенький?

– Новенький, – ответил референт. – Из Питера. Знакомьтесь: Андрей – Геннадий...

Андрей пожал протянутую руку, а потом все залезли в «тойоту», внутри которой было жарко, как в духовке. Обнорский был уже мокрым насквозь, а на форменных рубашках референта и водителя лишь под мышками еле заметны были темные следы пота.

– Ничего, – сказал Пахоменко, – сейчас поедем с ветерком – попрохладнее будет. Гена, давай в Мааскер ⁶.

«Тойота» рванула с места так, что Андрея отбросило назад. Горячий ветер, бивший в открытые окна, казалось, лишь обжигал, но Пахоменко с видимым удовольствием подставлял под него лицо, покрытое желто-красным загаром. Мелькающие мимо улицы Адена производили на Обноракого удручающее впечатление – казалось, профессия дворника неизвестна в этом городе: везде пыль, песок, мусор, какие-то давленные жестяные банки в невероятных количествах, обертки, рваные полиэтиленовые пакеты. Сами улицы были тесными, кривыми и мрачными, стены домов украшали какие-то темные потеки, через каждые двадцать – тридцать метров на глаза попадались невероятно тощие козы и

---

⁶ *Мааскер* – военный лагерь (арабск.).

овцы, жевавшие какую-то бумажную рвань. Зелени почти не было. Редкие прохожие, как показалось Обнорскому, были одеты в неопрятные лохмотья... Конечно, Андрей знал, что Аден – это не Запад. Но все-таки увиденное его глубоко шокировало. «Вот тебе и заграница, – вертя головой, думал Обнорский. – Неоновые рекламы, небоскребы, бары, пальмы, сияющие витрины магазинов... Херня собачья...» Андрей разозлился на себя за ту наивную картину сказочной заграницы, которую рисовал сам себе: с первого взгляда Аден производил впечатление большой качественной помойки.

– Ну как, нравится? – Водитель Гена оглянулся на Обнорского, увидел его вытянувшееся лицо и захохотал с каким-то завывом, хлопая ладонью правой руки себя по ноге. – Ничего, Андрюха, с непривычки это всегда по мозгам бьет, а неделька пройдет – перестанешь все это говно замечать. В бригаду тебя распишут куда-нибудь в Мукейрас или Бейхан⁷ – оттуда будешь приезжать, тебе Аден Парижем покажется. Кстати, Сергеич, куда ты хлопца определять думаешь?

Референт неопределенно хмыкнул, отрываясь от своих каких-то не очень веселых мыслей:

– Мозга` напряжем – думать будем... Мест полно – одна бригада другой краше. Придумаем чего-нибудь, без работы не останется...

Машина вылетела на прямое просторное шоссе. Гена еще

---

⁷ *Мукейрас, Бейхан* – провинции НДРЙ.

больше прибавил скорость, и через пять минут впереди слева показалась серая длинная бетонная стена с какими-то невысокими строениями за ней.

– Ну вот и приехали. Это Мааскер аль-Хубара Тарик ⁸. Жить будешь здесь. Тут и семейные живут, и холостяки, клуб есть, библиотека, кино крутят... Короче, жизнь бьет ключом...

«Тойота» легко съехала с шоссе прямо в ворота гарнизона. Собственно, назвать гарнизоном этот небольшой клочок земли, огороженный бетонной стенкой, можно было лишь условно. Четыре трехэтажных квартирных дома для семейных, два длинных двухэтажных строения барачного типа – одно каменное, другое деревянное, и небольшой открытый кинотеатр – вот и весь гарнизон. Да рядом с кинотеатром был еще навес для автомобилей. (Позже Обнорский узнал, что бараки, в которых жили офицеры-холостяки, остались еще со времен англичан, покинувших свою бывшую колонию в 1967 году, а трехэтажки и кинотеатр построили уже советские военные строители, которых все поколения живших в них «интернационалистов» проклинали как могли. По ходившей среди офицеров легенде, возглавлявший строительство полковник был награжден орденом Красной Звезды – не иначе как за героическую экономию стройматериалов, ушедших неизвестно куда: серые трехэтажки буквально

---

⁸ *Мааскер аль-Хубара* – военный лагерь (гарнизон) специалистов (*арабск.*). Тарик – имя собственное.

разваливались на глазах.)

У ворот гарнизона прямо на земле сидел часовой – худой черный араб; он завтракал, черпая что-то рукой из большой алюминиевой миски. Рядом с ним на земле валялся автомат Калашникова, на въезжавшую в ворота машину бдительный страж даже не взглянул.

«Тойота» проехала вдоль каменного двухэтажного барака, обогнула его и остановилась.

Пахоменко потянулся и хрустнул суставами:

– Так, давай, Андрюха, выгружай вещи в дежурку, пусть они пока там полежат, а мы съездим в Аппарат, посмотрим, куда тебя распишут, а там и комендант вернется – получишь белье, койку и все прочее...

– Слышь, Сергеич, – сказал водитель Гена, вылезая из «тойоты», – сбегая-ка я пока домой минут на десять.

– Давай, – кивнул референт, – только не больше десяти минут – надо в Аппарат поторапливаться, а то генерал там и так уже, наверное, на ноль всех умножает.

Пахоменко толкнул ногой дверь в дежурку и шагнул внутрь, следом за ним с чемоданом и сумкой протиснулся Андрей. Дежурка представляла собой маленькую темную комнатку, в которой с трудом помещались стол, две пружинные кровати с брошенными поверх сеток кусочками поролона, холодильник и шкафчик. В стене под окошком торчал кондиционер. На одной из кроватей валялся парень. Он был небрит, бос, мятая рубаха песочного цвета выехала из про-

сторных линиялых хэбэшных штанов, которые, видимо, после многократных стирок уже утратили свой первоначальный песочный колер. Увидев вошедшего референта, парень медленно сел на кровати и сунул ступни ног в стоявшие на полу «вьетнамки». От странного дежурного явно несло густым перегаром.

Пахоменко матюгнулся и оперся кулаками на стол:

– Володя, ты что, уже?.. С утра, что ли, пьете? На дежурство-то хоть можно в нормальном виде явиться? Нарветесь на Кузнецова – он вам таких бздей навтыкает, что и я вытащить не смогу... Прямо как маленькие, ей-богу...

Парень поднял на референта мутные глаза:

– А я не дежурю сегодня... Я Леху Цыганова подменяю – он с папатачи⁹ валяется...

Референт махнул рукой и оборвал дежурного:

– Через три часа все возвращаться будут – давай чтобы к этому времени кто-то трезвый сидел... И Леха, если у него папатачи, пусть дурака не валяет, а идет к доктору... А – то моду взяли – лихорадку джином лечить. Только сердце посадите, и больше ничего.

Володя равнодушно кивнул, и Пахоменко обернулся к Обнорскому:

– Заталкивай шмотки под кровать и перекури пару минут, я тоже сейчас быстренько домой заскочу – и поедем.

---

⁹ *Папатачи* – разновидность лихорадки; наиболее тяжелый период болезни – первые три дня (температура, озноб, бред).

Володя проводил референта взглядом и усмехнулся. По его лицу в полумраке дежурки трудно было определить возраст, но Андрею показалось, что этот парень если и старше его, то явно ненамного. Володю сильно старили похмельная помятость, угрюмый взгляд и легкие белые лучики морщин у глаз – такие бывают у тех, кому часто приходится щуриться на солнце.

– Ты что, новенький? – спросил Володя.

– Да, – ответил Андрей. – Только что прилетел. Обнорский Андрей, переводчик.

– У! Коллега, значит. Я тоже переводчик – Гридич Володя. Предлагаю дружить семьями.

Гридич с Обнорским пожали друг другу руки. Володя почесал растрепанную шевелюру, зевнул и спросил:

– Ну и как там Союз, как Москва – стоит еще?

– Стоит, – пожал плечами Андрей. – Куда ж она денется...

Гридич потер пятерней правый глаз и задал новый вопрос:

– А чего тебя Пахоменко привез? У нас вообще-то на встречи-проводы специальный переводяга выделен – Леха Толмачев, но с этим рейсом никого не ждали...

Обнорский хмыкнул:

– Наверное, из «десятки» забыли сообщить... А с Пахоменко я в аэропорту столкнулся – они там, как я понял, случайно оказались.

Володя как-то странно усмехнулся, снисходительно посмотрел на Андрея и устало сказал:

– В аэропорту? Случайно? Я тебя умоляю... Поживешь тут немного – поймешь, что никто нигде случайно не оказывается... А уж тем более в аэропорту... – Гридич нахмурился, как будто понял, что сболтнул лишнее, и переменял тему: – А куда тебя расписывают? Не говорили еще? Пахоменко ведь самый главный начальник над нами, переводягами.

Обнорский неуверенно качнул головой:

– Вроде про какие-то бригады говорили...

Володя присвистнул и оживился:

– Нашего полку прибыло... Еще одна бригадная скотинка... Это дело надо отметить.

Он извлек из-под кровати плоскую начатую бутылку джина и проворно начал свинчивать с нее красную пробочку:

– Извини, старик, тебе не предлагаю, тебе в Аппарат еще ехать, а мне поправиться не мешает...

Он сделал несколько смачных глотков прямо из бутылки, сморщился, помотал головой и просипел:

– Не пьянства ради, а здоровья для... Сам-то пьющий? Или – как?

– Выпиваю, – скромно, но с достоинством ответил Андрей, и Гридич удовлетворенно кивнул:

– Споемся... Я уже чувствую, что споемся... Так вот – бригады... Кстати, старик, у тебя закурить ничего не найдется?

Обнорский достал из кармана пачку «Явы». Володя скривился, обозвал «Яву» (явскую, между прочим) говном, но

сигарету все же взял.

– Так вот, бригады... – продолжил Гридич, после того как оба сделали по первой, самой вкусной затяжке. – Бригады, Андрюха, здесь являются основными структурными единицами в армии. В Йемене полков нет – вместо них как раз бригады, которые состоят из батальонов или там эскадрилий, если бригада, предположим, вертолетная. Дивизий здесь тоже нет – вместо них есть так называемые направления – Центральное, Северное и Восточное. По идее несколько бригад должны как бы объединиться в одно направление, но реально каждая бригада фактически независима, а каждый комбриг – бог, царь и воинский начальник на той земле, которую контролирует его войско. Комбриги не только на свои направления с их штабами срать хотели, но и на Аден тоже... Но – поскольку здесь Восток, а это дело, как всем известно, тонкое, то комбриги делают вид, что подчиняются приказам из Адена, а в Адене, в здешнем Генштабе, хватает мозгов понять, что посылать в бригады и направления стоит лишь такие приказы, которые ничего не стоит выполнить. Мафгум? ¹⁰

– Мафгум, – машинально ответил Андрей, хотя понятно ему было, естественно, далеко не все. – А мы тут что делаем?

– Хороший вопрос, – кивнул Гридич, снова достал бутылочку джина и сделал мелкий глоток. – И главное – оригинальный... В каждой из этих бригад есть группа советских

---

¹⁰ Понятно? (Арабск.)

военных советников из двух или трех офицеров. А при этих советниках положено быть одному переводяге. То есть все предельно просто – советники советуют, а переводчики – переводят... Все довольны, все гогочут. Вот так и живем.

Володя растоптал на бетонном полу окурков и разразился длиннющей, сложной и какой-то горькой матерной тирадой, совершенно не вязавшейся со спокойным и даже несколько ироничным тоном его пояснений. Обнорский начал догадываться, что, видимо, в этих йеменских бригадах далеко не «предельно просто» обстоят дела на самом деле, однако от вопросов на эту тему решил пока воздержаться.

– А ты давно уже здесь? – осторожно спросил он Володю.

– Пятый месяц доматываю. Еще семь – и домой, доучиваться...

– Так ты что, тоже студент? – обрадовался Обнорский.

– А как же... У нас тут, считай, процентов девяносто бригадных переводяг – студенты, правда, еще три курсанта из ВИИЯ ¹¹ есть. Я из Москвы, ИСАА ¹², четвертый курс – на пятый перейти не дали, сюда загребли. А ты откуда?

– Востфак, Ленинградский университет, пятый курс.

Гридич удовлетворенно кивнул:

– Споемся, однозначно... Значит, так, Андрюха, ты как из Apparata вернешься, давай сразу ко мне – тридцать вто-

---

¹¹ ВИИЯ – Военный институт иностранных языков. Позже переименован в Военный Краснознаменный институт.

¹² ИСАА – Институт стран Азии и Африки при МГУ.

рая комната, второй этаж. Посидим спокойно, за твой приезд квакнем, то да се – бараньи яйца... Заметано?

Обнорский кивнул и глянул на часы:

– Договорились. Я пойду, пожалуй, к машине, пять минут уже прошло.

– Давай-давай, старина, – напутствовал его Володя. – А с генералом... старайся говорить короче и четче. «Так точно», «никак нет» и «ура!» – старик это любит...

Андрей вышел из дежурки. Жара набирала силу, после кондиционерной прохлады это особенно чувствовалось. Докуривая сигарету, Обнорский огляделся – гарнизон казался абсолютно безлюдным и выглядел довольно уныло. Три-четыре невысокие пальмы, какие-то чахлые кусты перед трехэтажками, несколько кривых деревьев у каменного барака. На пальмах и деревьях густо сидели неподвижные крупные вороны, похожие на чучела. Стену открытого кинотеатра украшал выгоревший под солнцем до противного бледно-розового цвета транспарант: «Специалист! С честью выполни интернациональный долг!» Этот призыв почему-то развеселил Обнорского, он хмыкнул, бросил окурочок на землю и придавил его каблуком.

Аппаратом в Южном Йемене называли штаб Главного военного советника, который находился на территории комплекса министерства обороны НДРЙ. Путь туда из гарнизона Тарик лежал через Стиммер – один из наиболее цивили-

зованных и более-менее европеизированных районов Адена. Основные постройки в Стиммере были сделаны еще при англичанах, да и само название – Стиммер – осталось в наследство от колонизаторов. Обнорского больше всего поразило в этом районе Малый Биг-Бен – точная копия лондонского Биг-Бена, но в уменьшенном варианте.

По дороге в Аппарат Пахоменко расспрашивал Андрея об учебе, увлечениях и склонностях. Узнав, что первые три курса Обнорский выступал за сборную университета по дзюдо, референт пробормотал, что «это как раз то, что нужно», и надолго задумался о чем-то, поглаживая указательным пальцем правую щеку. Остаток пути до министерства обороны они проделали молча. У Андрея, конечно, уже накопилось немало вопросов, но он решил пока придержать их при себе – слишком странным и необычным было все, что он увидел и услышал в Йемене за первые часы.

«Тойота» миновала укрепленный КПП, который охраняли около десятка автоматчиков в красных беретах. Видимо, машину Пахоменко здесь хорошо знали – офицер приветственно махнул рукой, не спрашивая никаких документов.

– Мухоморы, – кивнул референт в сторону красных беретов, – войска местного управления безопасности. Слышал про Мухабарат¹³, студент?

Про Мухабараты арабских стран Обнорский, конечно, слышал – кое-что про эти организации рассказывали на во-

---

¹³ *Мухабарат* – служба йеменской контрразведки и безопасности.

сточном факультете преподаватели, некоторым из них приходилось сталкиваться с этими службами довольно плотно. Как, впрочем, и с Моссадом и Шин-Бетом¹⁴. Тем не менее на вопрос Пахоменко Андрей ответил лишь неопределенным пожатием плеч.

– Ну да, – засмеялся референт. – Ты же с востфака. У вас там «академический профиль» – древние тексты, исследования, Коран с хадисами...¹⁵ Ничего, мы тебя быстро тут с теоретических высот на грешную землю спустим...

Андрей хотел было сказать, что у них на востфаке преподавали совсем не только древнюю историю и занимательную этнографию, но передумал. В издевке Пахоменко прозвучало эхо старой и довольно лютой вражды между востоковедческими школами Москвы и Питера – москвичи считали себя «практиками», а ленинградцев с легким презрением называли «академиками». В Москве было больше учебных заведений, где готовили специалистов для работы в странах Азии и Африки, но, как говаривал куратор группы Обнорского Олег Петрович Голузякин, «в данном случае количество не перешло в качество. У нас, в Ленинграде, вы, обороты, сможете получить такие знания, которые вам никто не даст в Москве. А практические навыки приобретаются в

---

¹⁴ *Моссад, Шин-Бет* – спецслужбы израильской разведки и контрразведки.

¹⁵ *Коран* – священное писание мусульман, составленное в VII веке на основе откровений пророка Мухаммеда. Хадисы – сборники преданий о жизни пророка Мухаммеда и его высказывания, не вошедшие в Коран.

процессе работы – если вы не совсем идиоты, конечно. А вы не должны быть идиотами, по крайней мере так гласит заключение трех медицинских комиссий, которые вы, молодые люди, прошли, прежде чем попали на наш факультет... Что же касается москвичей, с которыми вам часто придется потом сталкиваться – никогда не спорьте с ними. Себе дороже».

Вспомнив наставления куратора, Обнорский еле сдержал улыбку и с преувеличенным вниманием уставился в окно машины. «Тойота» медленно поднималась в гору по серпантинной дороге. Собственно, эта гора и все строения на ее склонах и назывались комплексом министерства обороны. Место, видимо, было выбрано не случайно – внизу как на ладони лежал Аден, министерство обороны грамотно заняло господствующую высоту.

Аппарат Главного военного советника располагался в большом двухэтажном доме, прилепившемся к крутому склону – с его крыльца к подъехавшей машине сразу же бросился человек в рубашке и брюках такого же покроя и цвета, как у референта и водителя. (Обнорский уже догадался, что это была местная военная форма, правда, советские офицеры носили ее без знаков различия.)

– Где вас носит? – испуганно-возмущенно выдохнул человек. – Главный о вас уже четыре раза спрашивал...

– Това-арищ полковник, – с насмешливой укоризной протянул Пахоменко, – нас не носит... Мы вот нового товарища

встречали, только что прибыл, надо же было потом его вещи в Мааскер закинуть.

Полковник возмущенно хрюкнул, а референт подтолкнул вперед растерявшегося Андрея. Они вошли в здание – Обнорский с наслаждением окунулся в прохладный воздух, нагнетаемый кондиционерами. После уличной жары в Аппарате, казалось, было даже холодновато.

Перед обитой черной кожей дверью, на которой была прицеплена табличка с лаконичной аббревиатурой «ГВС»¹⁶, референт шепотом сказал Андрею:

– Молчи, в основном говорить буду я, ты только поддакивай. – Потом он тихонечко постучал в дверь, приоткрыл ее и спросил: – Разрешите, товарищ генерал?

Из кабинета раздалось какое-то глухое ворчание, и Пахоменко махнул Обнорскому рукой – мол, заходи давай.

Войдя в кабинет, референт молодецкато щелкнул каблучками, вытянулся и сказал, показывая рукой на Андрея:

– Неожиданное пополнение прибыло, товарищ генерал. Пришлось встретить, вещи отвезти...

Генерал оказался еще не старым мужиком со свежим лицом, седым ежиком волос и сердитым взглядом холодных серых глаз. На его форме также не было никаких знаков различий, но Обнорский заметил, что фактура ткани отличается от формы Пахоменко – у генерала она была более светлой и тонкой. Вскинув подбородок, генерал выжидающе по-

---

¹⁶ ГВС – Главный военный советник.

смотрел на Андрея. Референт незаметно пихнул Обнорского локтем и прошипел углом рта:

– Представься!

Андрей встрепенулся, постарался молодецки выпятить грудь и гаркнул:

– Обнорский Андрей Викторович, переводчик!

– Звание?

– Нету у него еще звания, товарищ генерал, – вмешался Пахоменко. – Студент он, практикант.

Генерал катнул желвак по щеке, нахмурился, потом резко поднялся, вышел из-за стола и, подойдя к Андрею, стал в упор его рассматривать. У Обнорского возникло неприятное ощущение, что он уже успел чем-то провиниться.

– Главный военный советник генерал-майор Сорокин, – нарушил наконец молчание генерал и выбросил вперед правую руку.

Андрей чуть было не попятился от неожиданности, но вовремя сообразил, что руку нужно пожать.

– Это ваша первая командировка?

– Так точно.

– Женат? Как с языком? Откуда родом? Кто родители?

Вопросы посыпались на Обнорского один за другим. Андрей, помня наставления Гридича, старался отвечать как можно короче. Все это походило на допрос, но Обнорскому показалось, что генерала Сорокина не очень интересовали ответы.

Вернувшись за свой стол, генерал помолчал с минуту, рассматривая карту Южного Йемена, висевшую на стене, потом снова перевел взгляд на Обнорского:

– Обстановка у нас тут очень сложная – в подробности я вдаваться не буду, майор Пахоменко доведет позже... Каждый человек на счету. Особенно – переводчики. Особенно – хорошие переводчики. – Сорокин сделал ударение на слове «хорошие». – Бывают, правда, такие, что ни бэ ни мэ по-арабски, да и русского толком не знают. – Генерал перевел взгляд на референта и рыкнул: – Я по поводу этой таджикской мафии с тобой хочу отдельно переговорить... А то сегодня, понимаешь, Кордава с Центрального направления прибыл, его аж колотит – переводчик его, как его... Мирзоев...

– Мирзаев, товарищ генерал, – поправил Пахоменко.

– Да какая разница! – окончательно вышел из себя генерал. – Чурка, он чурка и есть... Кордава докладывал, что по-арабски он, кстати, чего-то лопочет, а по-русски его вовсе не понять – «моя-твоя»...

– Может быть, полковнику Кордаве сложнее понимать потому, что он сам не русский? – осторожно спросил референт.

Главный махнул рукой:

– Отставить! Я-то почему-то Кордаву прекрасно понимаю, хотя он и грузин. Грузины, они, считай, такие же русские, не то что все эти мусульмане... Ладно, об этом после.

Генерал снова повернулся к Обнорскому, застывшему по стойке «смирно».

– Так вот! Родина доверила нам выполнение интернационального долга в условиях сложной международной обстановки, и вы это высокое доверие обязаны оправдать! От того, насколько добросовестно вы будете относиться к своим обязанностям, во многом будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Майор Пахоменко!

– Я! – вытянулся референт.

– Куда вы его предлагаете определить?

– Бригадным переводчиком...

– Это ясно, – нетерпеливо перебил его Главный. – В какую бригаду, я спрашиваю?

Пахоменко на секунду замялся, потом, глянув искоса на Андрея, предложил:

– Он мастер спорта по дзюдо, товарищ генерал... Может быть, в Седьмую бригаду его?..

– В спецназ? – Генерал пожевал губами и вопросительно глянул на Обнорского: – Возражения есть?

Что такое спецназ, Андрей представлял себе весьма смутно. В то время это слово еще не было таким затасканным и истертым, как потом – в первой половине 90-х, когда разных спецназов развелось, как кур нерезаных. В середине 80-х более-менее известным (в узких кругах) был лишь спецназ Главного разведывательного управления Генерального штаба... Обнорский, правда, и о нем ничего не слышал, но слово, начинающееся с сокращения «спец», явно означало что-то крутое, особое, выделяющееся – поэтому Андрей не за-

думываясь ответил:

– Никак нет, товарищ генерал!

– Ну что же!.. Пахоменко, подготовьте приказ, отдайте его в кадры. Введите товарища – Сорокин кивнул на Обнорско-го – в курс дела, проводите в финчасть, через два часа зайдите ко мне. Свободны. – И генерал опустил взгляд в бумаги, разложенные на столе.

– Есть, товарищ генерал, разрешите идти, товарищ генерал? – Не дожидаясь ответа, референт подтолкнул к двери несколько ошалевшего Андрея.

В предбаннике оба перевели дух.

– Повезло тебе, – сказал Пахоменко, – старик сегодня в прекрасном настроении.

«Интересно, – подумал Обнорский, – что же здесь творится, когда старик в плохом настроении? Трескаются стены и вылетают двери?» Вслух же он спросил:

– Виктор Сергеевич, а спецназ – это что за бригада?

Пахоменко откинул волосы со лба и, усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос:

– А чего же ты, студент, соглашался, даже не зная на что?

Обнорский молча пожал плечами и отвернулся. Он почувствовал усталость и раздражение от постоянных подначек, ухмылок, недоговоренностей. Видимо, референт что-то почувствовал, потому что перестал улыбаться и ответил серьезно:

– Седьмая бригада – парашютно-десантная бригада спе-

циального назначения: борьба с бандитизмом, мятежами, контрреволюцией, контрабандой. Кроме того – глубинная разведка и некоторые другие... гм... задачи.

У Обнорского захватило дух. В его сознании сразу замелькали кадры из известного фильма «В зоне особого внимания» – представление Андрея о десантных войсках было исключительно романтическим.

– Собственно, бригады-то как таковой еще нет, – продолжал рассказывать Пахоменко, ведя Обнорского в свой кабинет. – Она еще только формируется на основе бывшей бригады военной полиции. Эта бригада... Они тут пару месяцев назад пытались устроить мятеж... Кого-то расстреляли, кого-то разогнали по дальним гарнизонам... Короче, остался один батальон – сборная солянка из самых преданных и надежных... Старшего советника еще нет, он прибудет из Союза где-то через месяц, пока есть только младший – майор Дорошенко, но он занимается только вопросами парашютной подготовки, пэдээсник ¹⁷. Планируется вывести бригаду из самого Адена, но не очень далеко, чтобы она всегда была под рукой... Седьмая бригада будет находиться в центральном подчинении непосредственно генерального штаба министерства обороны НДРЙ, а точнее – в подчинении местного главного разведуправления... Так что считай, что попал в элиту – хоть и бригада, но «придворная»...

---

¹⁷ ПДС – парашютно-десантная служба, занимающаяся прыжковой подготовкой, изучением материально-технической части и т. д.

Разговаривая, они поднялись на второй этаж, и референт запустил Андрея в отделение кадров. В кадрах у Обнорского отобрали паспорт и взяли три фотографии, объяснив, что свою синюю паспортину Андрей теперь не увидит вплоть до окончательного дня отъезда в Союз (все паспорта хранились в особом сейфе в Аппарате), а взамен ему скоро выдадут местную битакку¹⁸.

Потом Пахоменко отвел Андрея в финчасть, там Обнорский сдал свой авиабилет и денежный аттестат, выданный в «десятке», а потом долго слушал непонятные объяснения, сколько денег и в чем именно он будет получать. Начфин – полковник с интересной фамилией Рукохватов – даже рисовал специально для Обнорского на листке бумаги схему пересчета мифических инвалютных рублей (таких денег на самом деле не существовало, и никто никогда не видел их бумажного воплощения, но в аттестате зарплата исчислялась именно в инвалютных рублях) в чеки Внешпосылторга и местные динары.

Андрей уяснил главное – всего в месяц ему пойдет около тысячи семисот чеков, чеки можно копить, «класть на книжку», но часть содержания положено брать в местных динарах – не меньше тридцати пяти динар. Обнорскому выдали на руки сорок динар, и Андрей покинул финчасть с неприятной мыслью о том, что он, скорее всего, самый настоящий финансово-экономический идиот. Мысль эта пришла, когда

---

¹⁸ *Битакка* – карточка, удостоверение, вид на жительство (*арабск.*).

под занавес лекции полковник Рукохватов начал рассказывать о взаимоотношениях курсов доллара, динара и инвалютного рубля.

Наконец Пахоменко привел Андрея в свой кабинет, расположенный рядом с генеральским, усадил за стол и положил перед Обнорским несколько папок.

– Вот, почитай пока, – сказал референт. – Это тебе обязательно нужно знать. Здесь справки и документы о положении в Йемене, основные приказы о правилах поведения и регламентации жизни, некоторые разработки... Начинай с приказов. Основной и самый важный из них для тебя – приказ № 010. Он, конечно, как бы это помягче... а помягче никак и не скажешь... ладно, ты читай его, все равно тебе, впрочем, как и всем нам, придется с ним считаться...

На неподготовленного человека приказ № 010 Главного военного советника «О нормах и правилах проживания советских военных советников, специалистов, переводчиков и членов их семей в НДРЙ» производил глубокое и сильное впечатление. На трех листах убористого машинописного текста подробно и обстоятельно перечислялось все, что запрещено было делать советскому человеку «в Адене и других точках НДРЙ».

Запретов было настолько много, что Обнорский, несмотря на хорошую память, вряд ли смог бы все их воспроизвести вслух, если бы кто-нибудь его попросил сделать это после двукратного прочтения текста. Много чего было нель-

зя – выходить по одному в город, заводить «несанкционированные» контакты с иностранцами, торговаться на базаре и в лавках, выходить из домов после 23:00, купаться в неустановленных местах, брать взаймы у коллег деньги, а равно и давать деньги в долг... Венчал приказ призыв: «...достоинно нести звание советского человека и офицера за рубежом». Неясным в приказе оставался лишь один, не самый важный, видимо, момент: а что все-таки можно было «советскому человеку и офицеру»?

– Прочитал? – спросил Пахоменко, не отрывая глаз от листа бумаги, на котором он быстро и аккуратно писал что-то справа налево хорошо поставленным арабским почерком.

– Да, – ответил Обнорский. – Простите, Виктор Сергеевич, а какие санкции предусмотрены за нарушение этого приказа?

Референт хмыкнул и взглянул Андрею в глаза:

– Высылка из страны в двадцать четыре часа. Это для начала, как ты понимаешь. Ну а потом, в Союзе – продолжение банкета в зависимости от того, на чем ты залетел, сам понимаешь. От совсем плохих раскладов до просто плохих. Но в любом случае – если кого-то отправляют досрочно в Союз, считай, на этом человеке навсегда поставлен крест. Так что лучше, студент Андрюха, не залетать.

На самом деле и переводчики, и советники со специалистами, и их жены постоянно нарушали этот пресловутый приказ № 010 – ему было ясно, что нормальный человек про-

сто не в состоянии следовать всем этим идиотским запретам. Скорее всего, это изначально понимали и составители приказа, но в том-то и была соль: раз нарушали приказ, то, значит, каждый был как бы «подвешен на ниточке» – исключительно от отношения руководства к каждому конкретному офицеру зависело, продолжится его карьера или будет безжалостно оборвана.

Пахоменко смотрел на Обнорского вроде бы серьезно, но в глазах его скакали лукавые смешинки. Он достал из ящика своего стола толстую черную книгу, напоминающую амбарную, и открыл ее. На титульном листе красивым почерком было выведено: «Книга учета доведения приказов».

– Давай-ка, практикант, распишись тут за то, что с приказом тебя ознакомили. Чтобы потом в случае чего не говорил: «А я, мол, не знал!..»

– А что, незнание приказа освобождает от ответственности? – улыбнулся Андрей.

На этот раз Пахоменко ответил ему абсолютно серьезно, даже постоянные смешинки в глазах погасли:

– Это хорошо, что у тебя есть чувство юмора. Но с этим приказом шутить я тебе не советую... Очень много народу на нем свои зубы пообломало. Я тебя не пугаю, но... Здесь уже взрослые игры – и у тебя... У тебя всегда должна быть голова на плечах. Желательно трезвая и ясная. Понял?

Обнорский почему-то вспомнил пьяного Володю Гридича в дежурке Тарика и кивнул:

– Понял.

Хотя на самом деле он по-прежнему толком ничего не понимал. Андрей открыл черную книгу и отыскал страницу, на которой расписался его предшественник – последняя запись была сделана две недели назад. Обнорский глянул на подпись, там значилось: «Курсант Новоселов И. П.».

«Интересно, – подумал Андрей, расписываясь по образцу и подобию. – Кто этот Новоселов? Судя по званию – тоже переводчик-практикант. Виияшник, наверное...»

Потом Обнорский долго разбирал документы и справки о положении в Южном Йемене. Судя по всему, оно было явно не фонтан. Как явствовало из справок, республику с трех сторон окружали враждебные государства – Оман, Саудовская Аравия и Йеменская Арабская Республика (Северный Йемен). Эти три страны вели неустанную подрывную и террористическую деятельность в НДРЙ. Президентом Южного Йемена был «верный марксист-ленинец» Али Насер Мухаммед, которого незадолго до своей кончины обласкал сам Леонид Ильич Брежнев: Генсек КПСС, по своему обыкновению, долго целовался в засос с южнойеменским президентом, а потом наградил его орденом Ленина. При всем при том в правительстве НДРЙ, «взявшем курс на построение социализма», и в партии (которая почему-то называлась социалистической, хотя ее устав явно сдирался с Устава КПСС) единства не было – наоборот, все более явно обозначалось противостояние между сторонниками президента Али На-

сера и теми, кто группировался вокруг «основателя» социалистической партии Абд эль-Фаттаха Исмаила. Некую пикантность всей этой совсем невеселой ситуации придавало то обстоятельство, что Абд эль-Фаттах, лидер необъявленной оппозиции, последние несколько лет проживал не в Адене, а в Москве (видимо, опасаясь за свою жизнь). То в одной, то в другой провинции НДРЙ вспыхивали мятежи, которые, правда, быстро локализовывались и подавлялись. За условной границей с Саудовской Аравией (демаркации как таковой не было проведено – видимо, в свое время сделать это в безжизненной пустыне было чисто технически сложно, а потом этот вопрос стал слишком политически острым) базировалась так называемая Армия освобождения Южного Йемена, чьи боевые группы часто проникали в глубь территории НДРЙ, иногда умудряясь доходить даже до самого Адена. В августе 1984 года одну такую группу обезвредили в столице Южного Йемена. (Обнорский сразу вспомнил, как Пахоменко вскользь упомянул о попытке мятежа в бригаде военной полиции – по времени эти два события совпадали.) После публичного показательного процесса все диверсанты (группа должна была взорвать нефтеперерабатывающий завод) были принародно расстреляны...

Собственно говоря, информация в справках была явно неполной, подчас противоречивой и очень-очень осторожной. Другой она, видимо, и не могла быть, поэтому, листая прошитые страницы, Андрей мысленно сказал спасибо пре-

подавателям своего факультета, которые помимо прочего учили студентов читать между строк, понимать недосказанное и стараться видеть то, что пытались скрыть. Несколько раз Обнорский вопросительно поднимал взгляд на Пахоменко, но тот был так занят своими бумагами, что не замечал этих взглядов. Или делал вид, что не замечал.

Странное чувство начало все больше и больше охватывать Обнорского по мере чтения: ему казалось, что он попал на другую планету, в чужой, негостеприимный мир. Этот мир был загадочным, и от него, несмотря на уличную жару, веяло холодом. Холодом опасности.

Пахоменко глянул на гостя и присвистнул:

– Ого! Мы с тобой, студент, переработались! Час уже – пора домой ехать!¹⁹

Они вышли в аппаратовский дворик, где уже ждал автобус, маленький «фиат». В нем сидели мужчины в форме и какие-то женщины, видимо жены офицеров, работавшие на каких-то вспомогательных должностях.

– Ну, Сергеич, тебя, как всегда, ждать приходится, – заворчал на референта какой-то пузатый мужик, истекавший потом в нагретом автобусе. – Полковники, понимаешь, вынуждены майоров ждать...

– Так уж и всегда, товарищ замполит? – хохотнул Пахоменко. – Это сегодня день такой выдался – пополнение при-

---

¹⁹ В Южном Йемене, как и во многих других арабских странах Ближнего Востока, рабочий день из-за жары начинался очень рано – в шесть утра.

было, вот и пришлось мне молодежью заняться, в курс, так сказать, ввести, то да се...

– Куда-куда ты ему ввел? – дурашливо спросил кто-то с задних сидений.

Весь автобус загоготал, даже женщины оценили шутку положительно. Обнорский закусил губу – он очень не любил, когда из него делали общественного клоуна.

– Что вы молодого человека засмущали, он к таким шуткам еще не привык – игривым голосом сказала крашеная блондинка средних лет. (Позже Обнорский узнал, что это была жена начфина – полковника Рукохватова.) Сквозь ее легкий сарафанчик просвечивал внушительного размера бюстгальтер. Андрей уткнулся в него взглядом и смутился еще больше...

...В Мааскере Пахоменко передал Обнорского коменданту гарнизона, некоему Струмскому. Маленький, похожий на вылезшего из моря осторожного краба, Струмский щеголял в шортиках, маечке и детской панамке с корабликом на тulle. Андрей чуть не открыл рот от изумления, когда выяснилось, что это чучело – капитан второго ранга. Струмский полистал свой потрепанный гроссбух, пошевелил губами и наконец принял решение:

– Жить будешь в тридцать четвертой комнате, вместе с курсантом Новоселовым.

Обнорский обрадовался – по записи в «Книге учета доведения приказов» он помнил, что этот Новоселов сам только

что прибыл в Йемен – двум новичкам всегда вместе легче.

Струмский выдал Андрею две простыни, две наволочки, полотенце и повел его на второй этаж каменного барака. На лестнице Обнорский обратил внимание, что сквозь краску на стенах кое-где просвечивают надписи на английском языке.

– Здесь до независимости английский гарнизон был. Как раз на втором этаже их сержантская казарма располагалась, – пояснил Струмский, перехватив взгляд Андрея.

Второй этаж казармы представлял собой длинную балконную террасу, на которую выходили пронумерованные двери комнат.

Когда Струмский подошел к двери за номером тридцать два, он вдруг встал на цыпочки и, не стесняясь Обнорского, приложил ухо к замочной скважине. Обнорский оторопел от неожиданности, потом вспомнил, что тридцать вторая – это та самая комната, куда приглашал его Володя Гридич. Андрей громко кашлянул, и комендант отпрянул от двери, покосившись на Обнорского. Пробормотав что-то недовольно себе под нос, Струмский подошел к двери в комнату номер тридцать четыре и открыл ее маленьким блестящим ключом.

Едва Андрей переступил порог своего будущего жилища, как в нос ему ударил затхлый запах нежилого помещения. Обнорский удивленно обернулся к Струмскому, и тот успокаивающе махнул рукой:

– Илья, сожитель твой, только вещи и успел сюда забро-

силь, его сразу советники в Эль-Анад забрали. Так что он даже обжиться не успел, придется тебе самому тут порядок наводить.

После яркого йеменского солнца в комнате было довольно темно – объяснилось это просто: стекла единственного окна были наглухо закрашены зеленой краской. Вдоль стены изголовьями друг к другу стояли две пружинные кровати, у окна белела раковина с водопроводным краном. Большой, обшарпанный временем и людьми шкаф делил комнату как бы на две части. Ближе к входной двери стояли круглый журнальный столик и три бывших кресла. Назвать эту рухлядь просто креслами или даже очень старыми креслами смог бы, наверное, только очень добрый человек, наделенный к тому же богатой фантазией. Ближе к окну за шкафом стояли холодильник, маленький буфет и стол, покрытый клетчатой клеенкой. На стене между буфетом и умывальником была привернута мощная стойка с двухконфорочной электроплитой. Под окном в стене торчал кондиционер советского производства БК-1500. В комнате было очень тесно и жарко.

– Сейчас кондей подключим, и сразу станет веселее, – сказал комендант, подходя к окну. – Кондей здесь главный друг человека, без него не жизнь, а мучение.

Он щелкнул выключателем, и кондиционер радостно взвыл, словно приветствуя своего нового хозяина.

– Ну что, устраивайся, – обвел рукой комнату Струмский. – Здесь, конечно, не дворец, но жить, в принципе, мож-

но. Да, не забудь холодильник подключить – у нас тут недавно электричество вырубали, у твоего холодильника защитное реле срабатывает, он у тебя английский, каждый раз после отключки нужно кнопку у морозилки нажимать. Если будут какие проблемы, заходи после пяти... А сейчас у нас сон.

После ухода коменданта Андрей подключил холодильник, которому было уже, наверное, лет двадцать, если не больше. Заочно знакомый Обнорскому Илья Новоселов оставил в холодильнике привезенные с собой колбасу и консервы, не зная, вероятно, что может прекратиться подача электроэнергии – колбаса протухла, а консервы вздулись. Андрей покинул все это хозяйство в большой пластиковый мешок для мусора и пошел за своими вещами. Володи Гридича в дежурке уже не было, вместо него за столом сидел какой-то сонный, но абсолютно трезвый толстый парень, похожий на таджика или узбека.

Закинув вещи в комнату, Андрей вспомнил о приглашении Гридича. Выйдя на террасу, Обнорский закурил, а потом решил все же постучаться к Володе. За дверь, которую украшал номер «32», послышалось какое-то невнятное бормотание. Андрей нажал на ручку и вошел. Картина, представшая его глазам, была довольно живописной. Планировка и мебель, в общем, копировали комнату Обнорского, но здесь чувствовался дух обжитости. Стены были сплошь заклеены пикантными картинками из разных журналов. Осо-

бенно радовал глаз плакат во всю дверцу шкафа: голая женщина, наклонившись и выставив задницу, смотрела прямо в глаза любому посетителю. На кровати, что стояла ближе к окну, лежал Володя Гридич в полной форме и даже в высоких черных шнурованных ботинках. Похоже, Володя был вдребезги пьян. На полу рядом с его свесившейся с кровати рукой валялся АКМС²⁰. Журнальный столик был заставлен пустыми и полупустыми бутылками, вскрытыми консервными банками и грязными стаканами. В одном из кресел, в подлокотник которого была воткнута финка, сидел голый по пояс парень. Несмотря на работавший кондиционер, в комнате плавали сизые клубы сигаретного дыма.

– Добрый день, – сказал Обнорский. – Меня Володя приглашал зайти... Но я, похоже, не совсем вовремя.

Парень в кресле сконцентрировал взгляд на Андрее и протестуяще моткнул курчавой головой:

– Заходи. Са-адись. Но-овенький? Грида говори-ил.

Парень говорил, как-то странно булькая, словно все выпитое им, стояло у самого горла.

– Леха. – Полуголый парень вытянул вперед руку, и Обнорский пожал ее.

«Наверное, это тот самый Леха Цыганов, которого подменял Гридич в дежурке», – подумал Андрей.

– Грида. Завтра. В бригаду едет. Два часа. Назад. Сказали. – От бульканья Леха перешел к коротким, рубленным фра-

---

²⁰ АКМС – автомат Калашникова, модернизированный.

зам. – Выпьем!

Движениями, напоминавшими плавание стилем брасс, Цыганов поймал за горло бутылку джина и налил по полстакана Андрею и себе:

– За. Твой. Приезд.

Не дожидаясь, пока Обнорский выпьет, Леха начал заталкивать джин в себя. Было очевидно, что джин в Леху идти не хотел, а просто подчинялся грубому насилию. Андрей лишь осторожно пригубил – он любил джин, но жара отбивала всякую охоту пить крепкое. Между тем Леха несколько раз поменялся в цвете, увлажнился потом, блеснул глазами и, вытянув руку в направлении холодильника, просипел:

– Пи-ива!

Андрей поставил свой стакан на столик и, открыв холодильник, вытащил оттуда сразу две запотевшие поллитровые банки финского пива. Открыв обе, он протянул одну Цыганову, а другую взял себе. Леха надолго присосался к пиву, Андрей тоже с удовольствием сделал несколько глотков. Как ни странно, выпитый джин и пиво не отключили Цыганова напрочь, а, наоборот, – взбодрили и оживили его. Он даже смог открыть самостоятельно банку колбасного фарша и гостеприимно подвинуть ее Обнорскому. Андрей упрашивать себя не заставил – отыскал на столе более-менее чистую на вид вилку, отломил кусок от валявшейся тут же лепешки и с удовольствием принялся за еду.

– Вопросы будут? – спросил между тем Леха почти нор-

мальным голосом.

Обнорский кивнул и, не переставая жевать, спросил:

– А куда Володя уезжает?

– Мукейрас, Тридцать вторая пехотная... Дыра жуткая. – Леха допил свое пиво и смял банку в руке.

– Там что, воют? – Андрей кивнул на автомат, валявшийся на полу рядом с кроватью бесчувственного Гридича.

– Сейчас вроде бы нет... Тихо. А это еще хуже – сидеть и ждать, когда начнется... Тут, когда долго тихо, – очень душно и тоскливо становится, как перед грозой. Думаешь, скорей бы уже ебнуло, чего душу-то мотать.

Голос Цыганова начал постепенно угасать, его потянуло в сон. Обнорский задумчиво посмотрел на него и вдруг неожиданно для самого себя поинтересовался:

– Слушай, Леха... Если о моем прилете сюда никто не знал, из «десятки» не предупредили, то что там делали Пахоменко и Гена, водила генеральский?

Цыганов икнул и слабо улыбнулся:

– Почту ждали, скорее всего... Третий рейс уже пустой прилетает... Ну и, может, свои какие дела... У Пахома связь с Союзом налажена: он оттуда постоянно посылки получает – и хлеб черный, и селедочку, и всякое другое разное... Только ты, Андрюха, запомни – по дружбе говорю: у нас в чужие дела нос совать не рекомендуется – прищемят... Тем более в дела Пахома. Он у нас папа – как скажет, так и делать надо, потому что, кроме него, защищать нас от этого хаби-

рья ²¹ озверелого – некому.

Леха пробормотал еще что-то, но уже совсем глухо, слов было не разобрать, потом он несколько раз дрыгнул ногой и уснул прямо в кресле.

Андрей доел весь фарш, допил пиво и с удовольствием выкурил сигарету. Потом он подошел к кровати Гридича и повернул Володю на бок, чтобы тот не захлебнулся, если вдруг надумал бы блевать во сне. Потом Обнорский поднял с пола автомат и отсоединил магазин – рожок был под завязку набит боевыми патронами. Андрей хмыкнул, вставил рожок обратно и прислонил автомат к шкафу. Перед тем как уйти из гостеприимной тридцать второй комнаты, Обнорский взял на руки Леху и переложил его на свободную кровать...

...Свои вещи Андрей разобрал довольно быстро и отправился в душ – общий на всю казарму. У этого душа была одна любопытная особенность: вентиль для пуска воды был один – понятия холодной или горячей воды не было, вода всегда была теплая, нагретая беспощадным солнцем.

После душа его разморило, он прилег на кровать и не заметил, как уснул.

Разбудил его протяжно-тоскливый напев муэдзина, несшийся из невысокой мечети, стоявшей рядом с гарнизоном. Чувствуя во всем теле вялость, Андрей прибрал комнату до конца, переоделся и вышел на террасу. По местному време-

---

²¹ *Хабирье* – от арабского «хабир» – специалист. Презрительная кличка всех советских офицеров – непереводчиков в арабских странах.

ни было около семи, но на улице уже было совсем темно – на арабском Востоке вообще темнеет быстро, как будто кто-то просто берет и выключает свет. В гарнизоне чувствовалось какое-то оживление – люди, в основном почему-то женщины, стекались к кинотеатру. Показывали какой-то старый «производственный» фильм, Андрей сел было на одну из лавок в амфитеатре, быстро понял, что фильм этот уже видел в Союзе, и собрался уходить, как вдруг заметил, что у мужчины средних лет, сидевшего рядом, из глаз текут слезы. При этом лицо мужика было совершенно спокойным, казалось, слезы текут сами по себе. Присмотревшись, Обнорский заметил еще одного такого же и еще... Андрею стало не по себе, он достал сигарету и выскочил из кинотеатра.

«Дурдом какой-то! Псих на психе, их тут всех лечить надо. – Обнорский, нервно затягиваясь, пошел к дежурке. – Неужели здесь все такими становятся?»

Андрей был недалеко от истины. Тяжелые климатические условия Йемена и постоянно испытываемые стрессы очень сильно влияли на психику европейцев, попавших в эту страну. Позже Обнорскому рассказали, что прагматичные англичане якобы лишали на два года избирательных прав своих соотечественников, проводших в Йемене более года, – считалось, что психика этих людей серьезно подорвана и требует реабилитации. Что же касается слезливости, то в ней опять же виноваты были солнышко и климат, неслучайно даже в сказках «Тысячи и одной ночи» все великие герои и во-

ины постоянно плачут, как дети...

Андрей присел на лавочку у дежурки – в тусклом свете фонаря хорошо были видны огромные тараканы, деловито сновавшие по двору.

– Вот ведь твари какие, – кивнув на тараканов, сказал вышедший из дежурки мужик средних лет, садясь на лавку рядом с Андреем – Ничем их, гадов, не вытравишь, они ведь в дома только пожрать приходят, а живут на улице... Летают еще...

Мужик придавил одного таракана ногой, Обнорского передернуло от неприятного хруста.

– А ты что, новенький?

– Да, – обреченно вздохнул Андрей и, не дожидаясь следующих вопросов, начал отвечать: – Переводчик, практикант из Ленинграда. Москва еще стоит.

– Холодно уже, наверное? Снег выпал?

Обнорский пожал плечами:

– Не жарко, естественно, но снега еще нет.

Дежурный грустно покачал головой:

– А я, хлопчик, снега уже три года не видел. Отпуска – летом. Снится мне снег все время.

Мужик вздохнул и стрельнул у Андрея сигарету. Посидели молча, потом Обнорский поднялся:

– Пойду с ужином что-нибудь придумывать.

– Давай, только воду кипяти как следует. Вода здесь – полное говно, я тебе скажу, почки у всех летят...

«Интересно, – думал Андрей, поднимаясь на террасу, – а есть здесь что-нибудь, что не говно?»

Ничего придумать с ужином он не успел – его приготовления прервал короткий стук в дверь. Обнорский, удивляясь про себя, кто бы это мог быть, открыл и увидел на пороге маленького круглого человечка в странной пятнистой форме и кроссовках. Лицо незнакомца выражало радость и вообще свидетельствовало о большом внутреннем жизнеутверждающем потенциале.

– Салям алейкум! – воскликнул пятнистый человечек, входя в комнату. – Ну наконец-то! А то я тебя вже так ждал, шо прям и не знаю аж как!

У гостя был забавный южнорусский говорок, и ничего не понимающий Обнорский невольно улыбнулся:

– Здравствуйте... Вы меня ждали?

– Та ты шо! Как невеста первого разу!

– Да вы проходите, проходите, – засуетился Андрей. – А вы меня ни с кем не путаете?

– Ха! Спутаетшь тебя! Мне вже тебя так расписали – ты шо! Высокий, красивый, чернявый... Андреем зовут?

– Да, – промямлил Обнорский. – А собственно...

– Ну вот, – продолжил мужичок, разглядывая комнату, – а я Дорошенко Петро Семенович, майор Советской Армии, так шо люби и жалуй. Тамам?²²

– Тамам, – машинально ответил Андрей и, догадавшись,

---

²² Хорошо? (Арабско-йеменский диалект.)

воскликнул: – А, так вы, наверное, мой советник?

Дорошенко залился мелким заразительным смехом и хлопнул себя по ляжкам:

– Не, хлопчик, ты еще трошки не дорос, чтоб у тебя майоры в советниках были. А советник я командира Седьмой парашютно-десантной бригады спецназа подполковника Абду Салиха Юсуфа – кстати, он классный мужик, у нас в Союзе в академии учился... Мафгум?

– Мафгум, – кивнул Андрей. – А мне сказали...

– Плюнь! – посоветовал Дорошенко. – Плюнь и забудь, тут все кому не лень плетут разное, ты меня слушай. Со мной, хлопчик, не пропадешь. Но горяхватишь.

И он снова залился смехом.

– Да вы садитесь, – спохватился Андрей. – Сейчас я чего-нибудь быстренько...

– Ни-ни-ни, – замотал головой Дорошенко. – Ни быстренько, ни средненько. Собирайся-обувайся и пошли ко мне, буду тебя кормить и одевать. Кто из нас из Союза прибыл? Ты или я? Так шо – без всяких там марципанов. Как-никак я тебе начальство. Мафгум?

Андрей кивнул и улыбнулся. (Позже выяснилось, что слово «марципан» было излюбленным выражением Дорошенко – им он обозначал такие понятия, как «церемонии», «проблемы», «сложности» и ряд других, выражаемых обычно в офицерской среде матерными эквивалентами. За это Петр Семенович получил, естественно, соответствующую кличку

– Марципан, которая очень подходила к его забавному внешнему облику.)

По дороге майор не переставая сыпал словами:

– Здесь шо главное? Хотя бы раз в день горячая пища!

И – горячая жидкость, тот же чай, если супа нет. Это ля-зим²³ помнить. А всякая сухомятка, лимонада – это сплошной муштамам²⁴.

Квартирка у Дорошенко оказалась маленькой, но чистой: холл, спальня, кухня и совмещенный санузел.

– Ну как? – спросил Петр Семенович, обводя свою квартиру довольным взглядом. – Хоромы! Ты б видел, в каких общагах мы с моей жинкой в Союзе жили... Жуть кошмарная, вспоминать на ночь не хочется – стенки тоненькие, фанерные, все слышно, ни потрахаться толком, ни поскандальить со своей бабой от души нельзя – соседи советами заму-чают... А ты женат?

– Женат, – кивнул Андрей, – но супруга в Москве осталась.

– Приедет?

– Нет, я же на год всего. Я практикант²⁵.

---

²³ Надо, нужно (*арабск.*).

²⁴ Нехорошо (*арабск.*).

²⁵ К советским офицерам в некоторых странах разрешалось приезжать женам, но только в том случае, если срок командировки был более полутора лет. Все остальные вне зависимости от семейного положения считались холостяками и получали за это не полный оклад, а 80 процентов. Это дикое положение было отменено лишь в 1990 году.

– Да, – сочувственно вздохнул Дорошенко. – То муштамам. Мужику без бабы плохо. Да и бабе тоже – они ж, если честно, тоже люди, заблядовать могут... Я, конечно, твою в виду не имею... А мужику так вообще тоска – я свою два месяца не видал, спать ложусь – одежную щетку под руку кладу.

– Зачем? – удивился Обнорский.

– Так ночью погладишь – вроде как она рядом.

И Дорошенко снова жизнерадостно захохотал.

Разговаривая, он успел в мгновение ока собрать на столе немудреную закуску, нарезать помидоры с луком и пожарить яичницу на сале. Посмотрев на стол, Петр Семенович задумался и искоса взглянул на Андрея.

– Грех, однако, с дороги-то не выпить... Да под такую закуску...

– Я сейчас, – вскочил Обнорский. – У меня...

– Сиди спокойно. Все имеется. Только так: то, шо мы тут с тобой выпиваем – между нами. Тамам?

– Тамам, – улыбнулся Андрей.

Они выпили по первой и навалились на еду. Дорошенко продолжал разговаривать с набитым ртом:

– Один на один можешь звать меня просто Семеныч, но когда люди кругом – будь любезен по имени-отчеству, а при начальстве – по званию. Потому как панибратства в армии не любят.

После второй стопки Семеныч начал рассказывать о себе.

Когда-то Дорошенко был летчиком-истребителем, при этом увлекался парашютным спортом. Потом его списали с летной работы по здоровью, и он переквалифицировался в начальники ПДС полка. С помощью бывших друзей, сделавших карьеру, Семеныч получил возможность поехать на заработки в загранку.

– Я, Андрюша, в этом спецназе сам ни хера не понимаю. Мое дело – научить людей прыгать, техникой пользоваться. Через месяцок приедет старший советник в бригаду, он и начнет их всем остальным премудростям обучать. Но что это будет за фрукт или овощ – тайна, покрытая мраком. А ты-то как? Боишься прыгать?

– А я что, тоже должен буду прыгать? – удивленно спросил Обнорский.

– А то как же?! Это ж наша техника, местные должны ей доверять, видеть, что мы все прыгаем – и ничего. И потом, в спецназе прыгают все – даже повара и завскладами. Ты не бойся.

– Да я не боюсь, – пожал плечами Обнорский.

– Не боишься? Ну молодец. – Семеныч снова засмеялся. – А я вот восьмую сотню прыжков разменял, а все одно страшно, перед прыжком уснуть не могу.

После третьей рюмки о себе начал рассказывать Андрей. Обнорский говорил и удивлялся самому себе: этому простому мужику, человеку совсем не его круга, он рассказывал то, что, наверное, не стал бы говорить многим близким знако-

МЫМ.

– А форму мне в бригаде выдадут? – спросил Андрей. Дорошенко успокаивающе махнул рукой:

– За форму не волнуйся – получишь полный набор: обычную песчанку, камуфляжку, ну и парадку – ее тебе шить будут.

– А оружие? Тоже выдадут?

Семеныч вдруг аж пригнулся, зачем-то оглянулся и спросил почему-то шепотом:

– Какое оружие? Ты шо?! Даже и думать не думай! Генерал брать оружие запретил!

– Как? – растерялся Андрей – А я видел...

– Шо ты там видел – я и знать не хочу, – перебил Дорошенко. – То мужики в бригадах берут стволы, но подпольно, шоб никто ничего не видел... А мы тут – люди еще новые, вот оботремся малость, видно будет... Старший советник приедет – он и решит. И скажу тебе по опыту – чем дальше от оружия, тем меньше всякой херни случается.

«Ничего себе подпольно», – подумал Обнорский, вспомнив автомат, валявшийся совершенно открыто рядом с пьяным Гридичем. Однако возражать Дорошенко не стал, поняв, что столкнулся с очередной загадкой, отгадку на которую предстояло искать самому.

Ближе к полуночи выпили на посошок.

– Утром подходи ко мне часов в семь – в бригаду поедем, знакомить тебя со всеми буду. Раньше там нам делать нечего.

Да и ты поспать должен...

Андрей, слегка покачиваясь от усталости и выпитой водки, пошел к себе через тускло освещенный низкими фонарями гарнизон. Темная казарма казалась совсем нежилой. В тридцать второй комнате было тихо. Андрей зашел к себе, лег и еще раз перебрал по эпизодам весь бесконечный день, свой первый день в Южном Йемене. Обнорский не мог понять, отчего у него в душе осталось ощущение немотивированной вроде бы тревоги.

«Наверное, просто от новых впечатлений. Все не так уж и плохо», – подумал Андрей, засыпая.

...В ритм новой жизни Андрей вошел быстро – работы хватало, и скучать не было времени. Каждое утро он с Семенным уезжал на стареньком, оставшемся еще от англичан «лендровере» в бригаду, базировавшуюся в пятнадцати километрах от Адена. Это местечко называлось Красный Пролетарий и находилось уже в провинции Лахедж – точнее, на административной границе между провинциями Аден и Лахедж. Дорошенко в основном проводил занятия с личным составом – предпрыжковая подготовка, укладка парашютов, методика действий в случае возникновения нештатных ситуаций...

Андрей пытался переводить йеменцам объяснения Семенного; сначала у него это получалось довольно жалко, но в бригаде было несколько офицеров, учившихся в Союзе и хо-

рошо говоривших по-русски, они начали помогать Обнорскому, и уже через неделю он стал что-то понимать в местном диалекте. Командование бригады – командир подполковник Абду Салих и замполит майор Мансур окончили в Москве академии: Абду Салих учился в Академии имени Фрунзе, а замполит, как и положено, в Академии имени Ленина. Они оба относились к Обнорскому доброжелательно, понимали, что парню сложно, и не выражали неудовольствия новым переводчиком. Кстати, с первого дня Андрей заметил, что отношения между Мансуром и Абду Салихом довольно напряженные. Обнорский сначала подумал было, что дело в извечной неприязни командиров к замполитам, но потом выяснилось, что Мансур родом из провинции Абьян, родины президента Южного Йемена Али Насера Мухаммеда, а Абду Салих родился в горах Радфана – там, где начиналось когда-то национально-освободительное движение против англичан – и был дальним родственником Абд эль-Фаттаху Исмаила, председателя Йеменской социалистической партии. О том, что вражда между этими мощными кланами расслаивала страну на два противостоящих лагеря, Обнорский узнал в Аппарате в день приезда из справок Пархоменко.

Семеныч гонял Андрея точно так же, как йеменских солдат и офицеров, – заставлял до одури прыгать на землю со специального трамплина так, чтобы при приземлении ступни и колени оставались плотно сжатыми, учил укладывать

парашют. В бригаде на вооружении стояли парашюты Д-1-5-У – Дорошенко по секрету рассказал Обнорскому, что на этих системах в Союзе давно уже никто не прыгает, но техника, в принципе, надежная, хоть и старая...

Перед первым прыжком Семеныч сказал Андрею:

– Такого подарка, какой ты получишь сегодня, тебе больше не сделает никто в жизни, потому что я подарю тебе целое небо.

Свой первый прыжок Обнорский действительно запомнил навсегда – прыгали на рассвете (утром в пустыне, как правило, утихал ветер), солнце едва показалось из-за гор, отбрасывая от фигур десантников длинные тени. Андрей ощущал себя довольно спокойно вплоть до посадки в «Ми-8», а вот в вертолете уже навалился настоящий страх. Когда геликоптер набрал высоту и Семеныч распахнул дверь, Обнорский вдруг понял, что ему сейчас придется шагнуть в пропасть с каким-то мешком за спиной, и буквально прирос к скамье. Дорошенко между тем хохмил, пытаясь поднять дух всех, кто находился в вертолете: сел на пол, свесил ноги в открытую дверь и начал ими болтать. От этой «веселой» картины Андрея вовсе замутило, он оглянулся на своих йеменских коллег – их лица также не выражали особой радости, потому что опытных десантников в бригаде просто не было, лишь некоторые успели сделать по два-три прыжка.

Семеныч между тем встал, поправил подвесную систему своего парашюта (Дорошенко прыгал не на «дубе», как все

остальные, а на «крыле» – система его парашюта называлась УТ-15) и помочился в открытую дверь. Заорала сирена, и первая пятерка, в которую входил Андрей, поднялась и начала цеплять за трос карабины своих вытяжных. На негнущихся ногах Обнорский приблизился к двери, глянул вниз, понял, что не прыгнет никогда в жизни и ни за какие деньги или ордена, хотел повернуться к Дорошенко и честно заявить ему об этом, но не успел – майор левой рукой хлопнул Андрея по плечу, давая сигнал на отделение, а правым коленом незаметно толкнул Обнорского в зад, так что тот, не успев, что называется, даже мякнуть, вывалился из вертолета. Воздушный поток подхватил и завертел Андрея, с испугу померещилась ему перед глазами собственная задница, однако через несколько бесконечных секунд Обнорский почувствовал сильный рывок, его тряхнуло, а когда он поднял глаза, то увидел над головой раскрывшийся белоснежный перкалевый купол, заслонивший почти все ярко-голубое утреннее небо. Андрей заорал от счастья, что-то запел, глянул вниз – высота уже не казалась ему такой страшной. Было ощущение, что он неподвижно висит в хрустально-чистом воздухе, напоенном солнечным светом и тишиной, – вертолет тарыхтел уже где-то вдали, и от него продолжали отделяться крошечные человеческие фигурки...

Приземлился Андрей удачно, войдя сведенными ступнями в мягкий песчаный бархан, быстро погасил купол, собрал парашют и лег на спину, глядя в подаренное ему небо. На-

кал испытываемой им эйфории был настолько силен, что ему немедленно захотелось прыгнуть еще раз, чтобы снова испытать это ни с чем не сравнимое удовольствие мгновенного перехода от дикого ужаса к полному счастью...

Так оно потом и пошло – в ночь перед прыжками Обнорский не спал, мучимый страхами (ему постоянно казалось, что он сделал какую-то роковую ошибку при укладке парашюта), зато, прыгнув, он чувствовал себя на вершине блаженства, хозяином своей судьбы, суперменом, победителем и бог знает кем еще... Постепенно прыжки начали засасывать Андрея, как настоящий наркотик. Семеныч видел, что происходило с парнем, посмеивался, говорил, что пока это все еще цветочки, а потом начнутся сложные выброски – с оружием, ночью, на море...

Возвращаясь каждый вечер в Аден (ночевать в бригаде Семеныч не любил, хотя Абду Салих и Мансур постоянно намекали на то, что, мол, было бы лучше, если бы советник всегда, что называется, находился под рукой), Андрей окунался совсем в другую среду – жизнь советского военного гарнизона Тарик была полна скрытых и явных противоречий и интриг.

Все население гарнизона делилось на несколько неоднозначно относящихся друг к другу групп. Самым бросающимся в глаза было некое – официально, естественно, никем не декларируемое – противостояние хабиров и мутаргимов²⁶. В

---

²⁶ *Мутаргим* – переводчик (арабско-йеменский диалект).

катеґорию хаби́ров автома́тически попада́ли все советские офи́церы – не перево́дчики незави́симо от того, были́ ли они на самом деле специа́листами или занима́ли ступе́нь выше и называ́лись му́сташарами ²⁷. Как пра́вило, хаби́ры и му́сташа́ры были́ старши́ми офи́церами от ма́йора и выше, не моло́же три́дцати че́тырех – три́дцати па́яти лет. Их ю́ность про́шла по разны́м отдале́нным гарни́зонам и была́ напо́лнена́ безде́нежьем и все́м тем, что в уста́ве называ́лось «тя́гостами и невзго́дами воинской службы́». Первые отно́сительно́ больши́е (в советском понима́нии, конечно́) де́ньги они уви́дели в Йе́мене, и, есте́ственно, дале́ко не все смо́гли пере́нести та́кой шок. У мно́гих хаби́ров разви́лась настоя́щая боле́знь, кото́рую в Йе́мене называ́ли «че́ковая лихора́дка», или «че́канка» ²⁸. Же́лание нако́пить как мо́жно больше́ че́ков подча́с принима́ло просто́ уродли́вые фо́рмы – лю́ди эконо́мили на все́м: на еде, оде́жде, да́же на предме́тах лично́й ги́гиены (бы́л, напри́мер, один хаби́р, кото́рый, что́бы не поку́пать в магази́не зубну́ю па́сту, чи́стил зу́бы... хо́зяйственны́м мы́лом).

Конечно́, не все хаби́ры доходи́ли до открово́нного скотства́, но, как показыва́ла пра́ктика, «че́канка» была́ боле́знью опа́сной и зара́зной.

Переводо́чки (му́таргимы) были́ в осно́ве свое́й ли́бо

---

²⁷ *Му́сташа́ры* – советники (*ара́бск.*).

²⁸ От слова «че́к». В че́ках Внеше́спосы́лторга выплачива́лась та ча́сть зарплаты́, кото́рая откла́дыва́лась на кни́жку.

младшими офицерами (до капитана), либо вовсе курсантами или студентами. Их было меньше – в среднем один переводяга на четырех хабиров – они были моложе и в основной своей массе учились или служили в столицах или крупных центрах. А потому смотрели на хабиров как на убогих, как городские на деревенских. Хабиры, естественно, платили муртаргимам лютой «взаимностью». Однажды квинтэссенцию отношений между этими двумя группами четко сформулировал сосед Андрея Илья Новоселов.

Этот симпатичный веселый курсант пятого курса ВИИЯ понравился Андрею с первого взгляда – он вернулся на побывку в Аден через неделю после приезда Обнорского. Ребята поладили сразу – им было о чем поговорить, Илья оказался парнем начитанным и остроумным, в нем совершенно не было тяжелого военного дубизма. Илья, как почти все курсанты ВИИЯ, прекрасно знал традиции, легенды и предания военных переводчиков – в его институте их передавали от поколения к поколению. Новоселов бескорыстно решил просветить абсолютно серого в этих вопросах Обнорского.

– Ты пойми, Андрюха, – вещал Илья, валяясь на кровати, – почему хабиры нас ненавидят? Потому что они пытели лет пятнадцать – двадцать в каком-нибудь Усть-Ужопинске и командировку сюда получили всеми правдами-неправдами, вылизыванием задницы начальству и еще черт знает чем, о чем даже им вспоминать противно. И тут они видят молодых, наглых, шибко грамотных, которые уже в своем сопли-

вом возрасте за кордоном – и имеют все, о чем нормальный пехотный офицер даже мечтать не может. Притом ведь многие наши начинают в загранку ездить с курсантских времен и знают, что еще поедут, а потому не жмутся и не экономят, как те, кому обратно в Усть-Ужопинск возвращаться. Может это хабиру нравиться? Нет! Поэтому он спит и видит, как бы переводяге подлянку скроить, чтоб служба медом не казалась. Это с одной стороны. С другой стороны, они нашу работу за работу не считают – чего, мол, там сложного, знай языком мели... Но есть еще одно немаловажное обстоятельство: они нас боятся. Они считают, что мы все работаем либо на ГРУ, либо на Комитет и постоянно закладываем своих советников. Хотя этим фирмам информация про наших придурков просто даром не нужна – без них дел хватает. Ну а мы, естественно, друг другу помогаем, мы друг друга знаем, у любых двоих переводяг всегда найдется куча общих знакомых – отсюда и возникают все эти кошмарные хабирские страшилки про переводческую мафию, которая может всё... Тьфу, уроды!

– Ну ты уж не преувеличивай, – смеялся в ответ Обнорский. – Не все они такие монстры, взять хоть моего, например, – вполне нормальный мужик. И не жадный – все небо мне подарил...

– Исключения лишь подтверждают правило, – не соглашался Илья. – Да и ты насчет своего не торопись с выводами – неизвестно, как он поведет себя в пиковой ситуации... Ха-

бир – он по природе своей жаден, завистлив, туп и труслив... Раньше знаешь как ребята говорили, которые еще в Египте и Сирии воевали: хороший хабир – мертвый хабир.

– Типун тебе на язык, Илюха! – Андрею стало уже не смешно. – Не дай бог накаркаешь... Просто тебе с твоими советниками не повезло.

– Да уж, это точно, – мрачно согласился Новоселов. – Знаешь, что тут недавно товарищ полковник Кий задвинул? Вычислил, сколько чеков ему капает за то время, что он в сортире сидит. Чуть не рехнулся от этой цифры, говорит: я, мол, за такие деньги даже в тюрьме сидеть согласен...

(Иван Богданович Кий был старшим советником командира Эль-Анадской бригады, где переводчиком работал Илья. Позже этот полковник прославился тем, что, уезжая окончательно из Йемена, увез с собой все что мог – даже дверные ручки из занимаемой квартиры.)

– Справедливости ради нужно признать, – добавил Илья, – что хабиры попадаютя и среди переводяг. Хабир – это слово ругательное, и обозначает оно не профессию, а социально-психологическую суть человека. А среди переводяг редко, но тоже встречаются такие, которые начинают писать книги «ГУК и ЧЕК»²⁹. Только таких наши вовсе за людей не считают, и куда бы они потом ни приехали – о них все будут знать. Переводяги – это, конечно, не мафия, но каста. Или

---

²⁹ Игра слов: произведение А. Гайдара называется «Чук и Гек»; ГУК – Главное управление кадров.

клан, если хочешь... Мы должны держаться друг за друга и за традиции – иначе хабирюги нас сожрут...

Вторая линия противостояния в гарнизоне Тарик проходила перпендикулярно первой и делила всех на бригадных и аппаратных. Эти две группы относились друг к другу неприязненно уже вне деления на хабиров и мутаргимов, это была старая как мир взаимонеприязнь окопников и штабных. Бригады в основном были раскиданы по всей стране, и добраться до них было долго и сложно. Общий порядок был такой: двадцать пять дней советники и переводчики сидели по своим бригадам (живя подчас просто в кошмарных условиях – землянках, пещерах, хижинах из консервных банок), а на пять дней в конце каждого месяца все съезжались в Аден на «командирскую учебу» и короткий отдых.

Так было в теории. На практике же бригадные зависали на своих точках и на два месяца, и на три – то транспорта до Адена не было, то обстановка обострялась. Связь со столицей была очень плохой, и подчас о людях неделями не было, что называется, слуху и духу, жены советников впадали в истерики, не зная, живы ли еще их мужья или уже нет. (На острове Сокотра в Индийском океане, на котором, как сказал однажды в передаче «Клуб кинопутешественников» Юрий Сенкевич, побывали лишь считанные европейцы, четверо русских просидели однажды безвылазно четыре месяца, потому что, как только к ним собирался самолет или вертолет, по закону подлости портились метеоусловия, а когда

устанавливалась погода – почему-то не было либо исправных вертушек, либо топлива для их заправки.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.